

На совѣтской службѣ

М. Смилъгъ-Бенаріо

«Ты долженъ, наконецъ, понять, сказать мой братъ, что большевики загубили Россію. Неужели тебѣ не ясно, что все то, что теперь у насъ происходитъ, ничего общаго съ социализмомъ не имѣетъ. Вѣдь большевики довели нашу страну до полнаго культурнаго одичанія и систематически разгромили ея хозяйственную жизнь. Фабрики остановились, города почти вымерли, а голодающіе пролетаріи или разбѣжались по деревнямъ, или превратились въ красноармейцевъ, которые съ помощью винтовки должны насадить въ Россію социализмъ. Какъ же ты можешь работать совместно съ тѣми преступными элементами, которые сидятъ нынѣ въ большинствѣ совѣтовъ? И вообще, какъ ты можешь оказывать помощь тому преступленію, которое совершается сейчасъ надъ Россіей?»

«Я хорошо знаю, отвѣтилъ я, что большевистская власть принесла съ собою много горя. Я знаю, что хозяйственная жизнь страны разрушается, знаю, что большевизмъ понемногу превращается во владычество отдѣльныхъ комиссаровъ, знаю также, что многіе изъ этихъ комиссаровъ люди съ темнымъ прошлымъ. Я, конечно, вижу, что всюду царитъ ужасъ, горе и несчастье, но, именно, поэтому я глубоко убѣжденъ, что мы интеллигенты и социалисты должны работать вмѣстѣ съ большевиками. Ибо только такимъ образомъ мы сможемъ очистить революцію отъ той мрази, которая къ ней присосалась. Кромѣ того, ты какъ будто совершенно не принимаешь во вниманіе сущность большевизма, который стремится къ осуществленію идеала социальной справедливости. Большевики были первыми, которые провозгласили лозунгъ всемірной социальной революціи, — лозунгъ, давно забытый социалистическимъ движеніемъ. Въ каждой революціи течетъ кровь, и если для уничтоженія капитализма и имперіализма, сущность которыхъ съ такой ясностью обнаружилась въ этой войнѣ, вмѣстѣ съ виновными должны пасть и невинные, то это не должно насъ отшатнуть отъ осуществленія нашей конечной цѣли. Изъ-за какой-то особой интеллигентской чувствительности мы не должны останавливаться на полъ-дорогѣ, а должны продолжать борьбу во имя освобожденія поработеннаго человѣчества».

«Все это очень красивыя слова, дорогой мой, но ты повидимому совѣтъ не отдаешь себѣ отчета въ томъ, что тотъ путь, по которому идутъ большевики, совѣтъ не ведетъ къ социализму, а, тѣмъ болѣе, къ коммунизму. Если ты будешь продолжать работать съ этими людьми, которые скомпрометировали социализмъ, то и на тебя падетъ доля вины за то, что сейчасъ совершается надъ Россіей и социализмомъ».

«Ты меня все равно не убѣдишь. Я пойду своей дорогой, а ты иди своей. Я во многомъ не согласенъ съ большевиками, но сейчасъ мнѣ приходится выбирать между большевизмомъ и русской реакціей. И такъ какъ третьяго выхода я не вижу, то мнѣ ничего другого не остается дѣлать, какъ присоединиться къ большевистскому движенію».

Но братъ мой упорно стоялъ на своемъ: «А я тебѣ еще разъ говорю, что тотъ, кто работаетъ съ преступниками, самъ становится преступникомъ».

Разговоръ этотъ я велъ со своимъ братомъ въ серединѣ августа 1918 г. въ Петроградѣ. Я какъ разъ тогда вернулся изъ Москвы, гдѣ я 6 мѣсяцевъ работалъ въ народномъ комиссариатѣ юстиціи въ отдѣлѣ государственнаго права, подъ руководствомъ профессора Рейснера.

Возвратившись по семейнымъ обстоятельствамъ въ Петроградъ, я, несмотря на предостереженіе моего брата, вновь рѣшилъ поступить на государственную службу. Я пошелъ къ петроградскому военному комиссару тов. Позерну. На основаніи рекомендацій, полученныхъ мною изъ Москвы, тов. Позернъ принялъ меня на службу въ качествѣ состоящаго для особыхъ порученій при петроградскомъ военномъ комиссариатѣ. Такимъ образомъ я очутился въ центрѣ жизни красной арміи петроградскаго военного округа. Несмотря на тѣ разногласія, которыя я впоследствии съ нимъ имѣлъ, я все же сохранилъ наилучшія воспоминанія о Позернѣ. Онъ вѣдше имѣетъ большое сходство съ бывшимъ императоромъ: тѣ же формы лица, та же борода и та же любезная улыбка. Иной разъ, когда Позернъ въ полной военной формѣ принималъ парадъ, мнѣ казалось, точно передо мной стоитъ двойникъ убитаго государя. Позернъ является вѣдъ всякихъ сомнѣній одной изъ симпатичныхъ личностей среди большевистскихъ вождей. Человѣкъ жельзвой силы воли, онъ беззавѣтно отдался работѣ по организаціи красной арміи сѣверной области. Съ утра до поздней ночи онъ безъ отдыха работалъ въ военномъ комиссариатѣ. Своей сердечностью и любезностью онъ крайне выгодно отличается отъ другихъ большевиковъ. Я ему былъ отъ души преданъ. И я признаюсь, что съ того времени, какъ я началъ сомнѣваться въ большевизмѣ, на меня большое вліяніе оказывало то обстоятельство, что Позернъ является большевикомъ. Ибо я говорилъ себѣ, что дѣло, за которое борется такой человѣкъ, не можетъ быть дѣломъ преступнымъ и несправедливымъ.

Но чѣмъ больше я работалъ въ военномъ комиссариатѣ, тѣмъ все болѣе и болѣе на меня стали находить сомнѣнія. Все чаще я сталъ чувствовать, что братъ мой, предостерегая меня отъ большевизма, былъ правъ. И если эти сомнѣнія не слишкомъ глубоко грызли сердце мое, то только потому, что у меня попросту не было времени отдаваться своимъ мыслямъ. Засѣданія, парады, допросы, ревизіи и служебныя поѣздки отнимали у меня цѣлый день, такъ что вечеромъ, возвращаясь поздно усталымъ домой, мнѣ было не до того, чтобы думать о правильности большевистскихъ методовъ. Иной разъ, правда, мнѣ казалось, точно судьба нарочно желаетъ мнѣ доказать, что въ томъ огромномъ преступленіи, которое совершалось надъ Россіей, лежитъ и доля моей вины. Я вынужденъ былъ сплой обстоятельствъ быть свидѣтелемъ дикаго разгула большевистской власти.

Терроръ

Въ одно печальное туманное августовское утро сидѣлъ я въ своемъ рабочемъ кабинетѣ. Окна мои выходили на Дворцовую площадь. Направо находился Зимній Дворецъ, а налѣво помѣщалось огромное зданіе бывшаго генеральнаго штаба.

Я бесѣдовалъ съ начальникомъ личнаго отдѣла, какъ вдругъ неожиданно на площади раздались выстрѣлы. Мы подбѣжали къ окну и увидѣли, какъ за кѣмъ-то началась на велосипедахъ погоня. Я быстро сбѣжалъ внизъ.

«Что тутъ случилось?» спросилъ я стоявшихъ на площади нѣсколькихъ военныхъ.

«Урицкаго, председателя чрезвычайки, только-что убили», взволнованно отвѣтилъ одинъ солдатъ.

И дѣйствительно черезъ нѣсколько минутъ подѣхалъ санитарный автомобиль и увезъ съ собой тѣло убитаго, еще недавно грознаго, председателя петроградской чрезвычайки. Смерть наступила моментально отъ пули попавшей въ голову.

Какъ извѣстно, убійцей Урицкаго оказался студентъ петроградскаго политехническаго института Каннегиссеръ. Каннегиссера я хорошо зналъ по институту, гдѣ мы работали на одномъ отдѣленіи. Покушеніе, а особенно личность убійцы меня крайне потрясли. Тяжело было у меня на сердцѣ, когда черезъ часъ взволнованно прибѣжалъ къ намъ въ комиссаріатъ тогдашній комиссаръ военнаго контроля, молодой коммунистъ Духвинскій, съ которымъ я былъ въ весьма дружескихъ отношеніяхъ, и, захлебываясь отъ восторга, сталъ рассказывать, какъ подъ его руководствомъ былъ пойманъ Каннегиссеръ. Какъ извѣстно, послѣ убійства Урицкаго начался страшнѣйшій терроръ. Всякій, кто былъ въ тѣ страшные дни въ Петроградѣ, знаетъ, какая дикая разнузданность, какое своеволие тогда царили въ столицѣ. Никто, за исключеніемъ коммунистовъ и отвѣтственныхъ служащихъ, не чувствовалъ себя въ безопасности. Вооруженные красноармейцы и матросы врывались въ дома и арестовывали лицъ по собственному усмотрѣнію. Не было и рѣчи о томъ, что арестованные имѣли хотя бы отдаленное отношеніе къ убійству или самому убійцѣ. Достаточно было, чтобы данное лицо получало хлѣбную карточку по четвертой категоріи, и его уже арестовывали. Арестованныхъ отправляли безъ всякаго предварительнаго допроса въ тюрьму, хотя вся ихъ вина состояла только въ томъ, что они были «буржуями» или интеллигентами. И эти ни въ чемъ не повинные люди считались заложниками.

Волна краснаго террора, какъ извѣстно, раскатилась затѣмъ по всей Россіи. Комиссаръ внутреннихъ дѣлъ Петровскій издалъ приказъ, по которому всѣ мѣстные совѣты обязаны были забирать опредѣленное количество гражданъ и разсматривать эту «буржуазную сволочь», какъ дословно было сказано въ томъ приказѣ, какъ заложниковъ. Въ случаѣ же если «контръ-революціонеры, буржуи и кулаки» осмѣлились бы въ данной мѣстности поднять возстаніе, то мѣстнымъ совѣтамъ предлагалось заложниковъ безжалостно разстрѣливать. Вся Россія стонала отъ большевистскаго террора. Никто не зналъ, что принесетъ ему ближайшій часъ.

«Мы убиваемъ цѣлые классы»

Жизнь въ Петроградѣ становилась все болѣе невыносимой. Тяжелая рука террора давила многострадальный городъ. Ежедневно происходили аресты и разстрѣлы, а власть не только не стремилась пріостановить массовое убійство, а наоборотъ, она лишь разжигала дикіе инстинкты солдатскихъ массъ. Предсѣдатель петроградской коммуны Зиновьевъ не испугался бросить въ массы лозунгъ: «Вы, буржуазія, убиваете отдѣльныхъ личностей, а мы убиваемъ цѣлые классы». И эти слова не остались пустой фразой. Послушная казенная пресса подхватила эти слова и сдѣлала все отъ себя зависящее, чтобъ разжечь въ массахъ жажду крови. Зиновьевъ и присные съ нимъ могли торжествовать побѣду.

Черезъ нѣсколько дней послѣ убійства Каппегиссера, я, придя рано утромъ въ комиссаріатъ, не встрѣтилъ Позерна, который всегда уже съ самаго ранняго утра сидѣлъ за своимъ столомъ. Я обратился къ управляющему дѣлами военнаго комиссаріата тов. Ильину-Женевскому съ вопросомъ, гдѣ Позернъ и когда онъ придетъ. Женевскій взглянулъ на меня вопросительно и спросилъ: «А вы что, развѣ ничего не знаете?» «Нѣтъ, а что такое случилось?» спросилъ я. Ильинъ тогда нагнулся ко мнѣ и тихо въ полголоса сказалъ мнѣ: «Позерна вызвали въ Кронштадтъ, тамъ ночью матросы ворвались въ тюрьму и безъ суда разстрѣляли арестованныхъ заложниковъ. Говорятъ, что разстрѣляли чуть ли не 500 человѣкъ».

Вскорѣ пришлось мнѣ почувствовать тяжесть террора и въ нашей собственной семьѣ. И какъ это почти что всегда бываетъ, весь ужасъ событій начинаешь болѣе сильно ощущать лишь тогда, когда подъ ихъ ударами падаютъ близкіе намъ люди, если имъ даже удастся избѣгнуть смерти.

Однажды вечеромъ мнѣ по телефону позвонила моя невѣстка, и взволнованнымъ голосомъ сообщила мнѣ, что ея двоюродный братъ, пріятель моего брата, арестованъ. На ея просьбу я отвѣтилъ, что сдѣлаю все зависящее, чтобы спасти его отъ смерти. И, дѣйствительно, просьба моя и нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ въ чрезвычайкѣ была небезуспѣшной: родственникъ моей невѣстки былъ черезъ недѣлю уже освобожденъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ его освобожденія, мы съ братомъ посѣтили нашего родственника. Онъ сильно измѣнился, раньше это былъ человѣкъ съ всегда сіяющей улыбкой и имѣлъ, несмотря на свои пожилые годы, всегда бодрый и здоровый видъ. Теперь же передо мной стоялъ совсѣмъ другой человѣкъ, съ сѣдыми волосами и сгорбившейся подъ тяжестью лишений послѣднихъ дней спиной. Послѣ первыхъ привѣтствій онъ, рыдая, разсказалъ вамъ слѣдующее:

«Ночью, въ два часа, я вдругъ услышалъ звонокъ съ чернаго хода. Меня сразу же охватило дурное предчувствіе. Вы, вѣдь, знаете, до чего у насъ въ эти дни истаскались нервы. Прислуга встала, но дверь не открыла, а побѣжала ко мнѣ въ спальню и сказала взволнованнымъ голосомъ: «Тамъ какіе-то люди требуютъ, чтобъ я отперла дверь, но я боюсь». Я быстро одѣлся и самъ открылъ дверь. Въ квартиру вошло нѣсколько вооруженныхъ людей.

«Вы гражданинъ Т., спросилъ одинъ изъ военныхъ, мы должны у васъ произвести обыскъ».

«Да, это я», отвѣтилъ я. — Обыскъ былъ произведенъ крайне поверхностно, причемъ ничего предосудительнаго не было найдено. Затѣмъ комиссаръ, руководившій обыскомъ, сталъ меня допрашивать и, между прочимъ, спросилъ меня, къ какой партіи я принадлежу. Несмотря на то, что я заявилъ, что я беспартійный, и несмотря также на то, что никакого оружія и ничего другого запрещеннаго у меня не было найдено, комиссаръ объявилъ меня арестованнымъ. На мой протестъ онъ заявилъ, что моя принадлежность къ буржуазному классу служить достаточнымъ поводомъ для моего ареста. Какъ я впоследствии выяснилъ, въ ту ночь комиссаръ, придя въ нашъ домъ вмѣстѣ съ вооруженными красноармейцами, потребовалъ отъ дворника списокъ лицъ, получающихъ хлѣбныя карточки по четвертой категоріи. И на основаніи этого списка были произведены въ нашемъ домѣ обыски у «буржуевъ». Аресты онъ производилъ также по собственному усмотрѣнію.

Меня отвели въ мѣстный совдепъ и посадили въ комнату, наполненную всякими «контръ-революціонерами». Въ этой комнатѣ мы просидѣли цѣлый день безъ ѣды, и казалось, о нашемъ существованіи уже забыли. Но, вотъ къ одиннадцати часамъ вечера появилась стража, и намъ приказали быть готовыми. Въ сопровожденіи стражи насъ отправили въ Дерябинскіе казармы. Прибывъ въ казармы, наша партія была размѣщена въ отдѣльныхъ камерахъ, которыя были уже до того биткомъ набиты. Мы всѣ расположились на сыромъ холодномъ полу. Несмотря на страшную усталость, никто изъ насъ не думалъ о снѣ. Мы собирались разговорами разсѣять мрачныя мысли, но ободрить другъ друга намъ не удавалось. Ибо мы всѣ знали, въ какомъ положеніи мы находимся и что намъ угрожало. На другое утро насъ вывели во дворъ, гдѣ уже выстроилась партія приблизительно въ сто человѣкъ. Черезъ нѣкоторое время явился комиссаръ тюрьмы, молодой человѣкъ, приблизительно 25 лѣтъ, съ лицомъ типичнаго преступника. Шапка у него была одѣта набекрень, за спиной находилась винтовка, сбоку висѣлъ наганъ, а въ рукѣ онъ держалъ нагайку, такъ что, глядя на него, казалось, что мы возвратились во времена старой царской Россіи. Комиссаръ сдѣлалъ выкричку, а затѣмъ онъ обратился къ намъ со слѣдующими словами: «Послушайте-ка вы, буржуи, васъ теперь отправятъ въ тюрьму. Ежели кто либо изъ васъ вздумаетъ бѣжать, то его ждетъ пуля».

И видно для того, чтобы придать своимъ словамъ больше вѣсу, комиссаръ выстрѣлилъ изъ нагана въ воздухъ.

Подъ сильнымъ конвоемъ насъ повели по улицамъ. Вскорѣ мы стали приближаться къ Петропавловской крѣпости. Когда мы ближе подходили къ ней, всякій спрашивалъ себя: «Неужели насъ поведутъ сюда?» И дѣйствительно, конвой повелъ насъ къ деревянному мосту, который отдѣляетъ крѣпость отъ города. Когда мы прошли черезъ мостъ, и за нами закрылись ворота, сердце мое сжалось отъ внутренней боли. «Заживо погребенные» — эту мысль можно было прочесть на блѣдныхъ лицахъ моихъ слутниковъ...

Меня вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими посадили въ одну изъ камеръ знаменитаго Трубецкого бастиона. Въ камерѣ было холодно, сыро и душно. Пребываніе въ ней было для насъ всѣхъ силовымъ страданіемъ. Мы все наше время проводили въ постоянномъ страхѣ за нашу жизнь. Рѣдко мы засыпали, ибо мы все ждали, что придутъ какъ-нибудь ночью за нами и насъ

выведутъ на разстрѣль. Каждую ночь, приблизительно къ тремъ часамъ утра, раздавались выстрѣлы въ крѣпости. Для насъ не было никакого сомнѣнія, что эти выстрѣлы обозначали: то разстрѣливались жертвы кроваваго террора. И каждый изъ насъ съ ужасомъ думалъ, что вотъ скоро придетъ и его чередъ, не въ эту, такъ въ слѣдующую ночь. До чего первы мои въ эти дни пребыванія въ Трубецкомъ бастіонѣ были напряжены, объ этомъ можетъ судить лишь тотъ, кто самъ находился въ такомъ же положеніе, какъ и я. Сырость, недоѣданіе, ежеминутная боязнь разстрѣла, и вообще вся та мрачная обстановка, которая меня окружала, сдѣлали свое дѣло — какъ вы видите, въ эти нѣсколько дней я посѣдѣлъ и постарѣлъ. И всегда я спрашиваю себя, почему я долженъ былъ страдать, за что? Неужели потому только, что я владѣлецъ магазина? Вѣдь только въ этомъ и состоитъ моя единственная «вина». Да, мои друзья, кончилъ свой печальныйъ рассказъ нашъ родственникъ. Такъ выглядитъ та свобода, къ которой годами стремился нашъ народъ».

И онъ грустно при этомъ улыбнулся...

Въ послѣдующіе дни я былъ настолько занятъ службой, что у меня совершенно не было времени отдаваться мыслямъ о происходящихъ событіяхъ.

Но черезъ нѣсколько дней мнѣ вновь пришлось услышать о происходящихъ въ Петроградѣ ужасахъ. Однажды утромъ я встрѣтилъ по дорогѣ въ комиссаріатъ сослуживицу, которая состояла издавна членомъ партіи большевиковъ. По ея заплаканнымъ глазамъ можно было сразу замѣтить, что ее постигло какое-то горе. Я спросилъ ее о причинѣ.

«Что за мрачныя и печальныя времена мы сейчасъ переживаемъ, сказала она — представьте себѣ, пять дней тому назадъ были арестованы четыре инженера съ Путиловской верфи. Одинъ изъ нихъ женатъ на моей двоюродной сестрѣ. Сестра моя справлялась въ чрезвычайкѣ о судьбѣ своего мужа, но вѣдь туда простой смертный не можетъ пробраться. По ея просьбѣ я пошла на Гороховую, и что жъ вы думаете, мнѣ тамъ заявили, что этихъ четырехъ инженеровъ «по недоразумѣнію» разстрѣляли».

Если я порою отъ знакомыхъ или постороннихъ слышалъ о всякихъ большевистскихъ ужасахъ, то я ко всѣмъ этимъ рассказамъ относился довольно скептически, ибо я уже со времени своего пребыванія въ Москвѣ привыкъ къ тому, что какъ оппозиціонная пресса, такъ и обыватель любили преувеличивать тѣ ужасы, которые происходили съ момента октябрьскаго переворота въ нашей странѣ. Но въ данномъ случаѣ я долженъ былъ вѣрить, ибо передо мной стояла настоящая большевичка.

Въ тотъ же день къ обѣду пришелъ къ моей матушкѣ мой братъ. Я замѣтилъ, что онъ при себѣ имѣлъ свой револьверъ. Я его попросилъ отдать мнѣ на время револьверъ, ибо ношеніе оружія запрещено, а разрѣшеніе, полученное имъ раньше на ношеніе оружія, было уже недействительнымъ. Но братъ мой ни за что не хотѣлъ отдать револьвера.

«Сейчасъ времена не такія, чтобы можно было спокойно разставаться съ оружіемъ».

Черезъ нѣсколько дней поздно вечеромъ меня вызвали по телефону.

У телефона находился мой добрый пріятель, бывший членъ I-го Исполкома.

«Я сегодня былъ на Гороховой, сказалъ онъ, — и тамъ встрѣтилъ вашего брата. Онъ арестованъ и просилъ меня сообщить объ этомъ».

«Что такое? мой братъ арестованъ, воскликнулъ я, — да вы что, шутите?»

«Нѣтъ, я не шучу. Вы только не волнуйтесь, а подумайте, что сдѣлать, чтобъ его освободить».

Несмотря на поздній часъ, я немедленно поѣхалъ въ военный комиссаріатъ. «Тов. Позернъ не оставитъ меня въ бѣдѣ, — подумалъ я, — можетъ быть, онъ еще въ комиссаріатѣ». По дорогѣ я встрѣтилъ партію въ 30 человекъ, которыхъ вели подъ конвоемъ. Я подбѣжалъ къ арестованнымъ, почему-то думая, что среди нихъ можетъ быть и мой братъ. Я сквозь темноту внимательно всматривался въ лица арестованныхъ, но брата моего среди нихъ не было. Одинъ изъ конвойныхъ крикнулъ на меня: «Проходи, пу чего, людей не видѣлъ. Проходи».

Черезъ нѣсколько минутъ я былъ уже въ нашемъ комиссаріатѣ. Я направился въ свой кабинетъ и составилъ прошеніе на имя Президіума Петроградской Чрезвычайной Комиссіи по борьбѣ съ контръ-революціей. Указавъ на мое положеніе въ военномъ комиссаріатѣ, я просилъ освободить брата моего подъ мое поручительство.

Затѣмъ я пошелъ въ кабинетъ къ Позерну. Позернъ, дѣйствительно, еще сидѣлъ за столомъ въ своемъ кабинетѣ и совѣщался какъ разъ съ военнымъ руководителемъ Петроградскаго гарнизона. Онъ на меня нѣсколько удивленно посмотрѣлъ, а потомъ, улыбаясь, сказалъ: «Въ такой поздній часъ вы ко мнѣ. Случилось что-нибудь особенное?»

«Нѣтъ, товарищъ, по службѣ ничего особеннаго не произошло, но нашу семью постигло большое горе. Моего брата сегодня вдругъ арестовали. Я совершенно не могу себѣ представить, какое вообще обвиненіе ему могутъ предъявить».

«Да, это неприятная исторія, сказалъ Позернъ, — ну, что жъ, надо будетъ кое-что для вашего брата сдѣлать».

Я попросилъ его тогда поддержать мою просьбу въ Чрезвычайную Комиссію объ освобожденіи моего брата. Позернъ внимательно прочелъ мое прошеніе, а затѣмъ сбоку написалъ: «Прошу Чрезвычайную Комиссію освободить изъ-подъ ареста брата нашего близкаго сотрудника, въ случаѣ если не имѣется конкретныхъ обвиненій».

Я его отъ души поблагодарилъ и съ радостнымъ сердцемъ побѣжалъ на телефонную станцію нашего комиссаріата вызвалъ оттуда по прямому проводу одного изъ членовъ Ч. К. и попросилъ его немедленно вынести внизъ для меня пропускъ, ибо, какъ извѣстно, безъ спеціального пропуска въ Комиссію нельзя было попасть. Явившись въ Ч. К., я попросилъ доложить о себѣ кому-нибудь изъ членовъ президіума. Черезъ нѣсколько минутъ ко мнѣ вышелъ членъ президіума тов. Борщевскій, которому я передалъ прошеніе, съ просьбой по возможности немедленно освободить моего брата. Тов. Борщевскій обѣщалъ мнѣ немедленно навести справку, по какому поводу произведенъ арестъ моего брата. Я его поблагодарилъ и, нѣсколько успокоившись, пошелъ домой. Придя приблизительно уже къ тремъ часамъ ночи домой, я, физически и нравственно совершенно разбитый, бросился въ постель. Но несмотря на страшную усталость я не могъ заснуть, ибо мысли мои все время были направлены въ одну сторону: я думалъ о своемъ братѣ, сидѣвшемъ на Гороховой.

Вдругъ дрожь пробѣжала по тѣлу моему. «Боже мой, вѣдь онъ при себѣ, навѣрное, имѣлъ револьверъ, а ношеніе оружія простымъ смертнымъ

иниѣ подѣ страхомъ разстрѣла запрещено. Его значить могутъ за это разстрѣлять».

И цѣлую ночь я провелъ безъ сна, въ страхѣ за судьбу своего брата. Рано утромъ меня разбудилъ звонокъ по телефону. Моему удивленію и радости моей не было границъ, когда я услышалъ голосъ брата. Онъ сообщилъ мнѣ, что еще ночью его вызвали на допросъ, а затѣмъ освободили изъ-подъ ареста.

Такимъ образомъ, мое прошеніе и заступничество Позерна сдѣлали свое дѣло. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ ареста братъ мой былъ уже на свободѣ. Въ тѣ дни такое быстрое освобожденіе было большою рѣдкостью въ анналахъ петроградской чрезвычайки.

Всѣ эти переживанія личнаго характера вызвали во мнѣ сильное сомнѣніе въ правильности тѣхъ методовъ, съ которыми большевики хотѣли осуществить социализмъ и углубить завоеванія революціи. Какъ убѣжденный демократъ и социалистъ, я никогда всецѣло не былъ согласенъ съ методами большевистской партіи. Эпоха террора сдѣлала большевизмъ для меня еще болѣе чуждымъ. Я сталъ болѣе и болѣе критически относиться къ большевистскому движенію, причемъ я сталъ сталкиваться почти на каждомъ шагѣ съ случаями, которые мнѣ ясно доказывали, что наша революція подѣ властью большевиковъ вырождается въ движеніе бунтовщическое и анархическое.

Принудительныя выселенія

Чтобы облегчить квартирную нужду бѣднаго населенія, большевики, какъ извѣстно, стали принудительно вселять семьи рабочаго населенія въ квартиры буржуазіи. Съ точки зрѣнія социальной справедливости противъ такого вселенія, въ концѣ концовъ, ничего нельзя возразить, но для большевиковъ, повидимому, не столько имѣло значеніе облегчить положеніе бѣднаго населенія, какъ притѣснить такъ называемую буржуазію. Бывали часто случаи, что квартиры со всѣмъ имуществомъ просто реквизировались, а владѣльцы должны были очистить квартиры въ 24 часа. Въ Москвѣ, на примѣръ, какъ разъ передъ моимъ отъѣздомъ, было въ теченіе 3-хъ дней выселено населеніе цѣлаго квартала, находившагося вблизи В. Ч. К. Что при этомъ выселялись не только буржуи, объ этомъ особенно упоминать не приходится. Въ Питерѣ реквизиціи и вселенія производились также не только въ «буржуазныхъ» кварталахъ. Къ буржуазіи принадлежала, вѣдь, также и наша интеллигенція. Учителя, врачи, адвокаты должны были часто очищать вмѣстѣ со семьями свои квартиры, причемъ часто выселяемымъ разрѣшалось брать лишь часть своего бѣлья. Такимъ образомъ, петербургская власть систематически потворствовала тому, чтобы подорвать матеріальное благосостояніе нашей интеллигенціи. И это въ такой странѣ, какъ Россія, гдѣ сравнительно такъ мало интеллигентныхъ силъ!

На мнѣ, между прочимъ, лежала обязанность просматривать и удосто- вѣрять правильность жалобъ на реквизиціи квартиръ и помѣщеній, совершавшихся военными властями въ Петроградѣ. При этомъ я довольно часто наталкивался на поистинѣ возмутительные случаи. Вотъ, характерный примѣръ. На Охтѣ стояло со временъ Екатерины Великой большое старинное зданіе, бывшее когда-то не то дворцомъ, не то помѣщичьей усадьбой. Въ этомъ зданіи находился домъ для умалишенныхъ.

Предсѣдатель мѣстнаго совѣта, который былъ одновременно и мѣстнымъ военнымъ комиссаромъ, рѣшилъ, что зданіе это великолѣпно подходитъ подъ казарму для мобилизованныхъ красноармейцевъ, и отдалъ распоряженіе очистить въ теченіе 4-хъ дней зданіе для нуждъ красной арміи. Какъ потомъ выяснилось, предсѣдатель мѣстнаго совѣта былъ въ лично враждебныхъ отношеніяхъ съ управляющимъ больницы. По жалобѣ комитета больницы я отправился выяснитъ на мѣстѣ положеніе вещей. Я установилъ, что въ той мѣстности былъ рядъ другихъ подходящихъ зданій, которыя могли быть реквизированы. Несмотря на то, что на основаніи моего доклада нашъ комиссариатъ отдалъ приказъ реквизицію больницы не производить, предсѣдатель мѣстнаго совѣта все же рѣшилъ показать свою власть. Уже были посланы милиціонеры, которые должны были просто выкинуть на улицу несчастныхъ больныхъ. Въ послѣдній моментъ, благодаря моей угрозѣ привлечь предсѣдателя совѣта, какъ лицо военное, находящееся въ подчиненіи нашему комиссариату, къ отвѣтственности и предать военно-революціонному суду, удалось снять реквизицію.

Впослѣдствіи я потребовалъ отъ подлежащихъ властей, чтобы Охтенскій военный комиссаръ, онъ же предсѣдатель мѣстнаго совѣта, былъ смѣщенъ со своей должности. Но такъ какъ онъ былъ старымъ коммунистомъ, то его не могли изъ-за такихъ «мелочей», какъ мнѣ объ этомъ дословно заявили, смѣстить. Этотъ отвѣтъ былъ характернымъ для выясненія сущности большевистской власти. Диктатура партіи силою вещей должна была превратиться въ безотвѣтственное владычество отдѣльныхъ лицъ.

Трудовая повинность для буржуазіи

Чтобы совершенно уничтожить буржуазію, какъ классъ, петроградская власть ежедневно придумывала новыя мѣры, направленные противъ нея. Однимъ изъ такихъ мѣропріятій была трудовая повинность. Къ работамъ по трудовой повинности стали въ Петроградѣ, насколько я знаю, привлекать со времени холерной эпидеміи. Послѣ этого перваго «опыта» Петроградскій Исполкомъ, главнымъ образомъ въ лицѣ своего предсѣдателя Зиновьева, сталъ обращаться въ районные совѣты съ просьбой о присылкѣ «буржуевъ» на работы, причемъ, какъ я потомъ узналъ, самъ Зиновьевъ давалъ районнымъ совѣтамъ слѣдующій добрый совѣтъ — въ случаѣ недостатка «рабочихъ силъ», просто ловить на улицахъ первыхъ попавшихся «буржуевъ». Такимъ образомъ, въ началѣ трудовая повинность имѣла совершенно неорганизованный и случайный характеръ. Но понемногу «дѣло» стало развиваться. Вскорѣ я получилъ «удовольствіе» ближе познакомиться съ постановкою дѣла привлеченія буржуазіи къ трудовой повинности.

Въ серединѣ октября 18-го года командующей 6-ой арміей, стоявшей на сѣверномъ фронтѣ, потребовалъ отъ нашего комиссариата выслать для нуждъ арміи 800 рабочихъ, которые должны были строить дороги и рыть траншеи. Нашъ комиссариатъ рѣшилъ для этой цѣли использовать лицъ, привлеченныхъ къ трудовой повинности. Позернъ отдалъ мнѣ распоряженіе, чтобы я взялся за проведеніе въ жизнь этого дѣла, но я категорически отказался отъ этого порученія.

«Вы знаете, товарищъ, мои политическія убѣжденія, — сказалъ я ему, — и вы поэтому поймете, почему я отказываюсь произвести такъ называемую

мобилизацію буржуазіи». Позернъ сразу же согласился съ моими доводами и попросилъ меня тогда вызвать члена совѣта I-го гор. района тов. Ряжкина, который руководилъ трудовой повинностью въ названномъ районѣ. Я переговорилъ съ Ряжкинымъ, а затѣмъ мы вмѣстѣ съ нимъ пошли къ Позерну и обсудили всѣ возможности дѣла мобилизаціи буржуазіи. Ряжкинъ согласился произвести мобилизацію буржуазіи, причемъ увѣрилъ насъ съ Позернымъ, что онъ въ теченіе 8 дней сможетъ доставить къ Николаевскому вокзалу 800 «буржуевъ». Я, со своей стороны, вошелъ въ сношеніе съ железнодорожнымъ отдѣломъ военнаго комиссаріата, дабы послѣдній къ указанному сроку подготовилъ вагоны для отправки рабочихъ.

Какъ потомъ выяснилось, «мобилизація» была произведена Ряжкинымъ слѣдующимъ способомъ: Въ совѣтъ были приглашены различные граждане, главнымъ образомъ изъ купческаго сословія, якобы для регистраціи, въ случаѣ привлеченія ихъ въ будущемъ къ трудовой повинности. Когда же граждане приходили въ совѣтъ для регистраціи, ихъ арестовывали и отправляли въ Семеновскія казармы, гдѣ они должны были ждать отправки. Но несмотря на такой весьма «умный» способъ привлеченія къ трудовой повинности, все же 800 человекъ собрать не удалось. Тогда Ряжкинъ съ другими членами мѣстнаго совѣта, руководствуясь директивами, данными имъ въ свое время Зиновьевымъ, рѣшились на слѣдующій «замѣчательный» шагъ. За три дня до отправки на сѣверный фронтъ, былъ по приказу Ряжкина поздно вечеромъ оцѣпленъ Невскій проспектъ. И всѣхъ, кто случайно находился на этой улицѣ, и которые не могли предъявить партійный билетъ или удостовѣреніе отъ какого-нибудь государственнаго учрежденія, были арестованы и препровождены въ Семеновскія казармы. Среди «мобилизованныхъ» находились также и женщины. На слѣдующее утро женщины были освобождены, а мужчинъ оставили въ казармахъ. На третій день вся эта партія была отправлена въ Вологду, гдѣ ее, по соглашенію, долженъ былъ принять представитель 6-ой арміи.

Никто изъ мобилизованныхъ такимъ нѣсколькимъ страннымъ, чтобы не сказать болѣе, путемъ не получилъ разрѣшенія привести въ порядокъ свои домашнія дѣла, попрощаться со своими родными или хотя бы только приобрести соотвѣтственную одежду и обувь. Ни Позернъ, ни я не имѣли никакого понятія о томъ, какъ производилась первая мобилизація рабочихъ для сѣвернаго фронта.

Черезъ нѣсколько дней послѣ отправки первой партіи въ Вологду, мнѣ пришлось съ одной комиссіей поѣхать въ Ямбургъ. Комиссія эта должна была ликвидировать конфликтъ, который произошелъ тамъ между мѣстнымъ совѣтомъ и военнымъ контролемъ. Комиссія состояла изъ 3-хъ лицъ: изъ представителя Ч. К., тов. Борщевскаго, представителя военнаго контроля и меня, въ качествѣ представителя Петроградскаго военнаго комиссаріата.

Во время поѣздки я разговорился съ Борщевскимъ и спросилъ его о Каннегиссерѣ, судьба котораго меня интересовала.

«Правда ли это, — спросилъ я его, — что Каннегиссеръ еще живъ?»

«Да, это правда», отвѣтилъ Борщевскій.

«Но чѣмъ же это можно объяснить, вѣдь его по-моему должны были давно разстрѣлять».

«Видите ли, сказалъ мнѣ Борщевскій, — мы его парочно не разстрѣливаемъ. На кой чортъ мы его сейчасъ разстрѣливаемъ. Пусть еще помучается въ некоторое время. Разстрѣлать мы его всегда еще успѣемъ».

Мнѣ вспомнился одновременно другой разговоръ, который я нѣсколько времени до того велъ съ членомъ коллегіи пароднаго комиссаріата юстиціи Козловскимъ. Мы говорили съ нимъ о тѣхъ порядкахъ, которые царили во Всероссійской Чрезвычайной Комиссіи по борьбѣ съ контръ-революціей. Я спросилъ его тогда, почему комиссаріатъ юстиціи не принимаетъ никакихъ мѣръ противъ тѣхъ преступныхъ и жестокихъ элементовъ, которые проникли въ чрезвычайку.

«Вѣдь нужно же произвести чистку чрезвычайки, сказалъ я, — вѣдь всѣ эти элементы прямо компрометируютъ нашу революцію».

«Да, товарищъ, это легко сказать, возразилъ мнѣ Козловскій, — по думаете ли вы, что такіе люди, какъ вы или я, годятся для чрезвычайки? Конечно нѣтъ! Мы сейчасъ ведемъ беспощадную борьбу, борьбу не на жизнь, а на смерть, съ контръ-революціей, и на такую борьбу мы, интеллигенты, не способны. На такую борьбу годятся лишь толстокожіе. Само собой разумѣется, что среди тѣхъ жестокихъ элементовъ, которые находятся въ чрезвычайкѣ, имѣются многіе съ довольно темнымъ прошлымъ. Противъ этого нельзя ничего сдѣлать. Мы должны съ этимъ примириться».

«Сдѣлать противъ этого кое-что можно, сказалъ я себѣ, — но просто противъ этого ничего не хотятъ сдѣлать».

Лишь впоследствии мнѣ стало совершенно ясно, что вся система большевистскаго государственнаго правленія основана на томъ, что жестокимъ и преступнымъ элементамъ дается возможность развить свою «дѣятельность».

Въ Ямбургѣ мы остались два дня. Въ свободное время мы посѣщали семью одного стараго ямбургскаго еврея, знакомаго Борщевскаго. Мы при разговорѣ касались главнымъ образомъ политическихъ событій. Старикъ часто ставилъ намъ различные вопросы. Большею частью отвѣчалъ Борщевскій, который почти все время употреблялъ слова, какъ «безпощадный», «смерть», «разстрѣлъ» и т. д. При этомъ Борщевскій также говорилъ о необходимости въ борьбѣ со своими врагами прибѣгать иной разъ къ жестокимъ средствамъ. Онъ рассказалъ при этомъ нѣсколько случаевъ изъ своей «практики».

Старикъ внимательно его слушалъ и подъ конецъ сказалъ:

«Я ужъ старъ и сѣдъ, можетъ быть поэтому я и не могу понять такъ хорошо стремленія молодого поколѣнія. Я знаю, что въ прошломъ было много несправедливаго и плохого. Но я вамъ говорю: зло вы вашими способами не искорените. Надо въ первую очередь цѣнить человѣческую жизнь. Наша старая священная религія, наши пророки и ученые всегда говорили, что человѣческая жизнь есть высшее благо. Человѣкъ долженъ быть самоцѣлью, а не средствомъ. Да, молодой человѣкъ, — сказалъ онъ Борщевскому, — вы улыбаетесь, а я вамъ говорю — дѣйствія ваши и вашихъ партійныхъ товарищей къ добру не приведутъ. Придетъ, можетъ быть, время, когда и вы вспомните мои слова. Царь и его слуги также безнаказанно дѣйствовали, какъ и вы сегодня это дѣлаете. И при самодержавіи человѣческая жизнь не имѣла цѣнности, и вы знаете сами, къ чему это привело. И я вамъ всѣмъ говорю: ваши взгляды и ваши дѣйствія, которые ведутъ лишь къ кровопролитію и одичанію, добрыхъ плодовъ не принесутъ».

Послѣ того какъ наша комиссія ликвидировала конфликтъ между ябургскимъ совѣтомъ и военнымъ контролемъ, мы отправились на поѣздъ. Передъ отъѣздомъ у представителя военного контроля появилась «блестящая» мысль.

«Знаете что, товарищи, сказалъ онъ, — надо-ка поговорить съ завѣдующимъ продовольственнымъ отдѣломъ, можетъ, онъ намъ дастъ картошки».

Мы съ Борщевскимъ сразу же согласились на это предложеніе, пошли въ продовольственный отдѣлъ и, дѣйствительно, каждый изъ насъ получилъ оттуда полтора пуда картошки. Съ этой драгоценной ношей мы сѣли въ поѣздъ и отправились въ Питеръ.

На Балтійскомъ вокзалѣ стоялъ, какъ на всѣхъ російскихъ вокзалахъ, заградительный отрядъ. Солдаты этого отряда тщательно осматривали вещи всѣхъ выходившихъ пассажировъ. При видѣ того усердія, которое проявлялось солдатами по отношенію къ чужому багажу, я нѣсколько обезпокоился за судьбу нашей картошки. На мой вопросъ, не отнимутъ ли у насъ эту ношу, Борщевскій увѣренно заявилъ:

«Бросьте глупости говорить. Кто же посмѣетъ отнять у насъ нашу картошку?»

И дѣйствительно, несмотря на то, что каждый изъ насъ открыто несъ на плечахъ своихъ полтора пуда, насъ сразу же, какъ мы только предъявили наши удостовѣренія, пропустили безъ всякихъ препятствій. Какъ разъ въ тотъ моментъ, какъ я протаскивалъ свой мѣшокъ съ картофелемъ, солдаты заградительнаго отряда набросились на какую-то женщину и отняли у нея муку, которую она несла съ собою. Женщина, какъ водится, подняла страшный крикъ, но ни слезы, ни просьбы ея не помогли.

Мы подошли къ ожидавшему насъ автомобилю и бросили въ него наши три мѣшка, но радостно на душѣ у меня не было. Мнѣ вдругъ стало ясно, насколько несправедливъ тотъ государственный порядокъ, при которомъ мы трое въ силу нашего служебнаго положенія имѣемъ возможность провезти необходимые жизненные продукты, въ то время, какъ у простого смертнаго, эти же самые продукты отнимались. Но дома меня встрѣтили при видѣ моей драгоценной ноши съ такой искренней и великой радостью, что у меня сразу прошло то тяжелое чувство, которое я все время ощущалъ.

На слѣдующій день былъ парадъ петроградскаго гарнизона на Марсовомъ Полѣ. Я, если такъ можно выразиться, находился въ свитѣ военнаго комиссара. Войска прошли мимо насъ церемоніальнымъ маршемъ, они имѣли бодрый и хорошій видъ и казались дисциплинированными. На парадѣ присутствовалъ предсѣдатель петроградской коммуны, который послѣ парада обратился къ солдатамъ съ рѣчью. Какъ всегда, рѣчь его была силошной и низкой демагогіей. Я смотрѣлъ то на Зиновьева, то на эту солдатскую массу и спрашивалъ себя, кто въ общемъ заслуживаетъ больше презрѣнія — этотъ демагогъ, который возбуждаетъ толпу, или сама толпа, которая бурно привѣтствуетъ этого демагога.

По окончаніи парада я отправился въ военный комиссариатъ Рождественскаго райова, чтобы переговорить тамъ съ мѣстнымъ комиссаромъ по одному служебному дѣлу. Комиссара я тамъ не засталъ. Изъ ответственныхъ служащихъ былъ только комендантъ на лицо. Я рѣшилъ пойти къ коменданту и передать ему то порученіе, которое я долженъ былъ выполнить. Патруль повелъ меня черезъ темный грязный корридоръ. Потомъ мы прошли по узкой деревянной лѣстницѣ и остановились около одной двери.

«Здѣсь комендантъ», сказала мнѣ солдатъ.

Я постучалъ. Вначалѣ я отвѣта не получилъ. Я постучалъ тогда еще разъ. Заспанный голосъ донесся изъ комнаты: «Войдите».

Я открылъ дверь и вошелъ въ комнату. Прямо передо мной у окна стоялъ столъ, на которомъ находились сабля и два револьвера. Налѣво въ углу стояли нѣсколько винтовокъ. Направо находилась кровать, на которой лежалъ мужчина въ военной формѣ; онъ остался лежать и при моемъ появленіи.

«Вы комендантъ?» спросилъ я.

«Да, я», отвѣтилъ онъ мнѣ, все еще продолжая лежать.

Я назвалъ себя. Онъ моментально вскочилъ съ постели и съ глубокимъ поклономъ и сладчайшей улыбкой попросилъ меня сѣсть.

«Простите меня, пожалуйста, если я только-что тутъ лежалъ», — сказалъ онъ. «Но знаете, я всѣ эти ночи такъ много работалъ, что я могу отъ трудовъ отдыхать только днемъ. Я видите ли — и тутъ его голосъ пони-зился — каждую ночь совершаю обыски въ нашемъ районѣ и арестовываю офицеровъ и другихъ контръ-революціонеровъ. Знаете, я ужъ тутъ напустилъ страху. Они меня здѣсь во! какъ боятся. Какъ только наступаетъ почъ, я сразу же иду на охоту».

И это слово, повидимому, ему самому очень понравилось, ибо онъ ехидно улыбнулся.

«Я, знаете, товарищъ, не то что другіе, которые берутъ отъ государства деньги и ничего не дѣлаютъ. Я, дѣйствительно, работаю, стараюсь, не за страхъ, а за совѣсть. И ежели я при этомъ и устаю, то все же у меня сознаніе, что я служу вѣрой и правдой совѣтскому правительству».

Я внимательно всматривался въ лицо коменданта. Это былъ типичный околоточный надзиратель или унтеръ-офицеръ стараго режима. По его жестокому и грубому лицу можно было сразу видѣть, что его профессія состоитъ въ томъ, чтобы мучить людей, попавшихъ въ его лапы. По всей его рабской манерѣ можно было въ немъ сразу увидѣть бывшаго «браваго» солдата. Какъ онъ, можетъ быть, въ свое время арестовывалъ революціонную молодежь, такъ онъ и теперь съ тѣмъ же равнодушіемъ арестовывалъ «контръ-революціонеровъ». Это былъ типъ, котораго можно было тогда, а навѣрно и теперь еще, часто встрѣтить въ совѣтскихъ учрежденіяхъ. Бывшіе полицейскіе, офицеры, унтеръ-офицеры и старые царскіе чиновники быстро освоились съ требованіями новаго времени и перекрасились въ красный цвѣтъ.

Посылка на принудительныя работы въ Вологду

Черезъ нѣкоторое время командующій 6-ой арміей Гиттисъ потребовалъ для нуждъ сѣвернаго фронта еще 500 человекъ. Нашъ комиссаріатъ вновь поручилъ дѣло мобилизаціи этихъ рабочихъ отдѣлу по трудовой повинности при первомъ городскомъ районѣ. Тов. Ряжкинъ обѣщалъ намъ доставить требуемое количество людей въ теченіе 7-ми дней. Какъ въ послѣдствіи выяснилось, и эта партія была такимъ же «простымъ» способомъ мобилизована, какъ и первая.

Въ день отправки второй партіи въ Вологду тов. Позернъ попросилъ меня лично справиться въ первомъ городскомъ районѣ о ходѣ дѣла. Приѣхавъ въ первый городской районъ, находившійся на Большой Московской,

я навелъ тамъ справки о положеніи вещей, причемъ Ряжкинъ мнѣ съ торжествомъ заявилъ, что удалось собрать 500 человекъ. Такъ какъ я хотѣлъ удостовѣриться, получили-ли мобилизованные отпущенные имъ изъ военно-хозяйственнаго управленія съѣстные припасы, то я рѣшилъ отправиться въ Семеновскія казармы. Лишь прибывъ въ казармы, я впервые узналъ о томъ, какимъ способомъ произошла мобилизація. Когда мой автомобиль въѣхалъ во дворъ казармы, первое, что я увидѣлъ, это было приблизительно 10 монаховъ, стоявшихъ у воротъ. Я спросилъ сопровождавшаго меня уполномоченнаго перваго гор. района, принадлежатъ ли эти монахи также къ числу мобилизованныхъ, и получилъ утвердительный отвѣтъ. Вначалѣ я пошелъ къ такъ называемому секретарю, у котораго находился списокъ «мобилизованныхъ». Я провѣрилъ этотъ списокъ и меня поразило палчіе въ немъ большого количества лицъ старше 45 лѣтъ. Послѣ того, какъ я пробылъ въ зданіи около часа и удостовѣрился въ томъ, что съѣстные припасы, отпущенные по приказу нашего комиссаріата, дѣйствительно были получены мобилизованными, я вышелъ во дворъ и намѣревался доложить о видѣнномъ тов. Позерну. Во дворѣ стояла уже громадная толпа. То были мобилизованные «буржуи», которые должны были быть отправлены на сѣверный фронтъ. Толпа инстинктивно поняла, что я являюсь представителемъ высшей власти. Меня моментально окружили и стали обращаться съ просьбой объ освобожденіи. Я былъ пораженъ и удивленъ тѣмъ, что я слышалъ. Изъ словъ отдѣльныхъ лицъ мнѣ стало ясно, что никакой мобилизаціи не было произведено, а что всѣ эти люди были незаконнымъ способомъ пойманы на улицѣ и отправлены въ казарму.

Я, конечно, не имѣлъ возможности пойти навстрѣчу просьбамъ мобилизованныхъ. Поѣздъ, съ которымъ они должны были отправиться на фронтъ, стоялъ уже наготовѣ. Но я все же рѣшилъ выслушать просьбы хотя бы нѣсколькихъ лицъ наудачу. Одинъ изъ просителей — пожилой мужчина, заявилъ мнѣ, что сынъ его сражается въ рядахъ красной арміи на чехословацкомъ фронтѣ и предъявилъ мнѣ соотвѣтствующій документъ. Между тѣмъ, верховное командованіе красной арміи еще лѣтомъ издало приказъ о томъ, что ближайшіе родственники лицъ, находящихся на фронтѣ, освобождаются отъ трудовой повинности. Я спросилъ уполномоченнаго перваго гор. района, какимъ образомъ могло произойти, чтобы этого человека мобилизовали.

«Да, помилуй Богъ, — отвѣтилъ онъ мнѣ, — гдѣ же у насъ было время въ такой короткій срокъ заниматься такими дѣлами».

Тогда я заявилъ, что въ качествѣ представителя военной власти, я подъ своей отвѣтственностью объявляю просителя освобожденнымъ. Случайно находившагося тутъ же студента я также, на основаніи существовавшего декрета отъ народнаго комиссаріата просвѣщенія, освободилъ. Я велѣлъ обоимъ сѣсть въ автомобиль и хотѣлъ покинуть это мѣсто людскаго страданія. Но какъ только другіе увидѣли, что я двоихъ освободилъ, всѣ бросились къ автомобилю и вновь окружили его. Поднялся страшный шумъ, всякій сталъ просить о своемъ освобожденіи. Одинъ заявлялъ, что онъ совсѣмъ не «буржуй», другой заявлялъ, что онъ боленъ и т. д. Съ простертыми руками, съ умоляющимъ взоромъ стояли эти несчастные вокругъ меня.

Но что жъ я могъ сдѣлать? Вѣдь не могъ же я своей властью освободить всю эту толпу! Я далъ знакъ шофферу, и машина медленно покатила.

Въ этотъ моментъ на подножку вскочилъ пожилой мужчина и крикнулъ съ раздрающимъ душу голосомъ: «Дорогой товарищъ, помилуйте меня, шестеро дѣтей оставилъ я дома». Не успѣлъ я еще отвѣтить, какъ сопровождавшій меня членъ совѣта ударомъ въ грудь столкнулъ просившаго съ подножки автомобиля. При этомъ онъ громко крикнулъ: «Да, оставите ли вы, наконецъ, насъ въ покоѣ», и прибавилъ затѣмъ крѣпкое русское ругательство. «Шестеро дѣтей», воскликнулъ еще разъ упавшій. Но машина уже быстро покатила въпередъ, и я оставилъ эту шумную несчастную толпу позади себя.

Въ этотъ день я окончательно порвалъ въ душѣ съ большевизмомъ. Для меня стало ясно, что я никогда, ни при какихъ условіяхъ не смогу пріять въ качествѣ догмата то издѣвательство надъ человѣческой личностью, которое вошло въ систему существующей власти...

Черезъ нѣсколько недѣль была образована центральная коммиссія по трудовой повинности. Въ эту коммиссію долженъ былъ войти также и представитель отъ военнаго комиссаріата. Тов. Позернъ спросилъ меня, не согласусь ли я въ качествѣ такового войти въ эту коммиссію. Несмотря на то, что я ясно сознавалъ, что должность эта совершенно не соответствуетъ ни моимъ политическимъ, ни моимъ нравственнымъ убѣжденіямъ, я все же далъ свое согласіе. Я надѣялся, что, въ качествѣ члена центральной коммиссіи по трудовой повинности, мнѣ удастся облегчить положеніе сосланныхъ на сѣверный фронтъ.

Когда я впервые, въ качествѣ оффиціального представителя военнаго комиссаріата, пришелъ въ центральную коммиссію, я сразу же могъ убѣдиться въ томъ, какого сорта «соціалисты» проявляютъ тамъ свою власть. Чтобы пройти въ комнату, гдѣ заседалъ президіумъ центральной коммиссіи, надо было миновать залъ, въ которомъ находилось большое количество людей, въ большинствѣ женщинъ, которые наводили справки объ участи сосланныхъ, или же хотѣли подать соответствующія прошенія. Въ тотъ моментъ, когда я вошелъ въ залъ, изъ комнаты президіума выскочилъ секретарь коммиссіи съ револьверомъ въ рукахъ и грозно крикнулъ: «Уйдете, или нѣтъ?»

Когда онъ меня увидѣлъ (онъ зналъ меня въ лицо по предыдущимъ моимъ посѣщеніямъ), онъ нѣсколько смутился и какъ наказанный школьникъ прошепталъ:

«Простите, товарищъ, я васъ и не замѣтилъ».

«Помилуй Богъ, отвѣтилъ я проницательно, — не смущайтесь, продолжайте только вашу работу».

«Да, вѣдь, знаете, товарищъ, совершенно невозможно работать, когда вокругъ стоятъ всѣ эти ревушія женщины. У насъ рѣшено на ихъ прошенія отвѣта не давать. Я ужъ это имъ сотни разъ заявлялъ. А они все стоятъ на своемъ, и не уходятъ; такъ что же мнѣ остается дѣлать. Я рѣшилъ тогда прибѣгнуть къ этой игрушкѣ», сказала этотъ «коммунистъ», указывая на свой револьверъ.

Мнѣ удалось съ самаго начала уговорить своихъ товарищей по коммиссіи, запретить ту охоту за людьми, которая въ тѣ дни совершалась чуть ли не ежедневно на улицахъ бывшей столицы. Кромѣ того, по моему настоянію, рѣшено было принимать всѣ прошенія, а также устные жалобы въ центральную коммиссію. Затѣмъ я сталъ собирать матеріалъ о тѣхъ, которыхъ

отправили на сѣверный фронтъ. При этомъ я натолкнулся на прямо невѣроятные случаи. Такъ напримѣръ, выяснилось, что всѣхъ тѣхъ, которыхъ поймали на улицѣ, не подвергли медицинскому осмотру. Такимъ образомъ были отправлены на сѣверный фронтъ много больныхъ, которые къ физическимъ работамъ совершенно не были способны. Среди тѣхъ, которыхъ потомъ удалось съ большимъ трудомъ освободить, были многіе, страдавшіе порокомъ сердца, было много чахоточныхъ и другихъ тяжело-больныхъ.

Что это значитъ, если власть находится въ рукахъ грубыхъ и полудикихъ людей, это показываютъ нѣкоторыя «глубоко-продуманныя рѣшенія», которыя постановляли члены совѣта перваго гор. района. Такъ напримѣръ, былъ вытребованъ въ совѣтъ, якобы для регистраціи, владѣлецъ одного ларька. Но онъ въ это время былъ какъ разъ въ деревнѣ. Его братъ, который былъ по профессіи банщикомъ, пошелъ въ совѣтъ, чтобы тамъ навести справку, по какому поводу вытребовали его брата. Въ совѣтѣ ему заявили: «Ахъ, такъ, твоего брата, значитъ, нѣтъ; ну, что жъ? тогда ты можешь за него поработать». И этотъ ничего не предполагавшій банщикъ былъ тутъ же схваченъ и отправленъ черезъ нѣсколько дней въ качествѣ «буржуя» на сѣверный фронтъ.

Другой примѣръ: въ совѣтъ пришелъ какой-то крестьянинъ, который хотѣлъ получить разрѣшеніе на выѣздъ изъ Петрограда. Онъ не зналъ, въ какой комнатѣ выдаютъ эти разрѣшенія. Онъ случайно вошелъ въ комнату, въ которой находилась мѣстная коммиссія по трудовой повинности. На его вопросъ, гдѣ можно получить разрѣшеніе на выѣздъ, ему сказали, чтобы онъ подождалъ въ сосѣдней комнатѣ. Между тѣмъ, въ этой комнатѣ сидѣли вызванные якобы для регистраціи, которые должны были быть отправлены на сѣверный фронтъ. Черезъ нѣкоторое время пришли нѣсколько красноармейцевъ и отвели всѣхъ находившихся въ этой комнатѣ, а также и того, кто хотѣлъ получить пропускъ для выѣзда, въ Семеновскія казармы. Такимъ образомъ, несчастный, дѣйствительно, совершилъ путешествіе, но только не туда, куда онъ хотѣлъ, а на тяжелыя работы на сѣверный фронтъ.

На случаи такого рода я наталкивался на каждомъ шагу. И что меня больше всего возмутило при собираніи матеріаловъ о посылкѣ мобилизованной буржуазіи на сѣверный фронтъ, это то, что дѣйствительные капиталисты и спекулянты среди сосланныхъ совершенно не были привлечены къ трудовой повинности. Дѣйствительные капиталисты, по всей вѣроятности, во-время откупились.

Когда стало извѣстно среди населенія, что въ центральной коммисіи принимаютъ просителей, ко мнѣ ежедневно стали являться десятки людей съ прошеніями и жалобами. И почти всегда мнѣ приходилось наталкиваться на возмутительные случаи. Такъ я помню, какъ однажды ко мнѣ явилась одна бѣдная прачка, мужъ которой раньше служилъ курьеромъ у Сименса и Гальске и который также, въ качествѣ «буржуя», былъ отправленъ на работу. Въ ея прошеніи, полномъ ореографическихъ ошибокъ, находились, между прочимъ, слѣдующія фразы: «Какъ раньше, такъ и теперь долженъ страдать простой рабочій. Буржуи же сидятъ у себя дома и спятъ въ теплой постели. Рабочій же долженъ мучиться. Если мой мужъ не вернется, то я съ моими дѣтьми скоро умру съ голоду».

Въ одномъ изъ другихъ прошеній сестра одного ремесленника писала: «Братъ мой однажды вечеромъ сидѣлъ въ трактирѣ. Вдругъ туда вошли

красноармейцы и арестовали всѣхъ, находившихся тамъ; между ними и моего брата. У брата не было какъ разъ соотвѣтствующаго удостовѣренія. Когда я на другой день узнала объ арестѣ моего брата, я пошла въ совѣтъ, чтобы выяснитъ недоразумѣніе. Но господинъ комгессаръ меня не принялъ, а велѣлъ прогнать воиъ. Черезъ три дня мой братъ, который къ тому же боленъ суставнымъ ревматизмомъ, былъ посланъ на работы въ Архангельскую губернію. Такимъ образомъ, я и мой тяжело-больной отецъ лишились единственнаго кормильца».

Однажды я натолкнулся даже и на такой возмутительный случай: ко мнѣ явилась жена одного безработнаго, бывшаго раньше на Путиловскомъ заводѣ. Она заявила, что она осталась съ четырьмя маленькими дѣтьми и не имѣетъ никакихъ средствъ къ дальнѣйшему существованію. Такъ какъ я, несмотря на соотвѣтствующія удостовѣренія, имѣлъ основаніе не всегда вѣрить всему тому, что мнѣ сообщаютъ просители, то я довольно часто поручалъ мѣстнымъ районнымъ комиссіямъ удостовѣриться въ правильности тѣхъ данныхъ, которыя мнѣ сообщались. Я поступилъ такимъ же способомъ и въ данномъ случаѣ. Районная комиссія Нарвскаго района, въ которомъ жила эта женщина, выяснила, что вся семья живетъ въ одной комнатѣ, въ сыромъ и полутемномъ подвальномъ помѣщеніи. И единственнаго кормильца этихъ бѣдныхъ людей отправили, въ качествѣ «буржуя», на работы въ Архангельскую губернію!

Когда, наконецъ, съ полвой очевидностью выяснилось, что многіе изъ сосланныхъ были отправлены на работу совершенно неправомѣрнымъ способомъ, я сдѣлалъ командующему 6-ой арміи соотвѣтствующее заявленіе. На основаніи этого заявленія командующій арміей согласился немедленно освободить всякаго, кто по моему мнѣнію былъ неправомѣрнымъ способомъ сосланъ на работы. Такимъ образомъ, мнѣ удалось понемногу вернуть многихъ сосланныхъ. По ихъ словамъ можно было установить приблизительно слѣдующую картину ихъ крестнаго пути:

Вечеромъ дня отправки изъ Петрограда всѣхъ ссылаемыхъ разставили въ ряды на дворѣ Семеновскихъ казармъ. Они были окружены сильнымъ конвоемъ. Передъ тѣмъ какъ двинуться въ путь къ Николаевскому вокзалу, начальникъ конвоя громкимъ голосомъ заявилъ: «Кто посмѣетъ выйти изъ рядовъ, тотъ будетъ немедленно разстрѣлянъ». Когда партія стала выходить изъ воротъ казармъ, на улицѣ уже стояли жены и дѣти ссылаемыхъ. Раздались душу раздирающіе крики. Жены бросились, было, къ своимъ дорогимъ роднымъ, но солдаты ихъ оттолкнули прочь. Одинъ молодой студентъ увидѣлъ среди отправляемыхъ своего старика отца. Со слезами на глазахъ онъ бросился на колѣни передъ начальникомъ отряда и сталъ его просить разрѣшить ему замѣститъ отца. Начальникъ, тронутый самопожертвованіемъ ювоши, великодушно согласился на эту просьбу. И сынъ отправился на работы вмѣсто своего больного отца. Точно стадо выючныхъ животныхъ ихъ повели къ Николаевскому вокзалу. Ссылаемые не знали, зачѣмъ и куда ихъ ведутъ. Ибо для того, чтобы кто-нибудь все же не вздумалъ бѣжать, отъ отправляемыхъ скрыли мѣсто ихъ назначенія. Они даже не знали, хотятъ ли ихъ оставить въ Питерѣ или нѣтъ.

При отправкѣ транспорта на вокзалѣ произошла сцена, которая показываетъ, до какой низости можетъ дойти порой человѣкъ. Одинъ изъ отправляемыхъ, большой крѣпкій мужчина, по вѣшнему виду кулець, попросилъ

начальника конвоя разрѣшить ему проститься со своими близкими, которые ожидали его на другомъ неоцѣленномъ стражей перронѣ. Но начальникъ конвоя въ просьбѣ отказалъ, ибо боялся, что проситель не вернется. Тогда проситель заявилъ, что въ то время, пока онъ пойдетъ прощаться со своими родными, у поѣзда въ качествѣ заложника останется его 16-лѣтній приказчикъ. Начальникъ конвоя согласился на эту комбинацію. Купецъ, обѣщавъ вернуться черезъ нѣсколько минутъ, покинулъ перронъ. Но прошелъ часть другой, а онъ все не возвращался. Мальчикъ сталъ горько плакать, прося начальника конвоя его отпустить. Но начальникъ былъ неумолимъ:

«У меня нѣтъ времени искать теперь твоего хозяина, сказалъ онъ, — теперь ты поѣдешь вмѣсто него съ нами. Я тутъ не причемъ, я долженъ доставить столько людей, сколько у меня находится въ спискахъ».

Поѣздка продолжалась два дня и одну ночь. По прибытіи транспорта въ Вологду между начальникомъ конвоя и мѣстнымъ комендантомъ вокзала произошелъ въ присутствіи сосланныхъ приблизительно слѣдующій разговоръ:

«Кого же это вы намъ тутъ привели?»

«А это питерскіе буржуи, которые присланы для работъ на фронтѣ».

«Что, буржуевъ, бѣлогвардейцевъ къ намъ привели? Да, что мы тутъ въ Вологдѣ съ ними будемъ дѣлать. Намъ тутъ самимъ ѣсть нечего».

Начальникъ конвоя стыдливо улыбнулся.

«Да, вамъ смѣшно, крикнулъ комендантъ. — а намъ для всей этой сволочи надо найти помѣщенія. Вы бы ужъ лучше ихъ сразу въ Питерѣ прикончили. Насъ только лишней работой заваливаете».

Партію прибывшихъ разставили въ рядъ и повели затѣмъ по улицамъ Вологды. Прохожіе останавливались; одни глядѣли съ злобной насмѣшкой, другіе съ сожалѣніемъ. Уличные мальчишки бѣжали за арестованными и кричали: «Питерскихъ буржуевъ ведутъ. Питерскихъ бѣлогвардейцевъ!»

Вскорѣ партія достигла того мѣста, гдѣ сосланные должны были быть размѣщены. То была знаменитая Вологодская тюрьма. Холодные и сырые камеры этой тюрьмы были первымъ пріютомъ этихъ физически и морально разбитыхъ людей.

Съ ними обращались, какъ съ самыми тяжкими преступниками, а по прибытіи въ Вологду бросили въ тюрьму. При этихъ обстоятельствахъ не удивительно, что уже въ первую ночь нѣсколько человѣкъ сошло съ ума, а нѣкоторые покончили съ собой...

Пребываніе въ Вологодской тюрьмѣ продолжалось недолго. Черезъ нѣсколько дней сосланныхъ распредѣлили по различнымъ линіямъ фронта, гдѣ они подъ огнемъ англичанъ должны были совершать тяжелыя земляныя работы. Ихъ раздѣлили на отдѣльныя партіи по 10 человѣкъ въ каждой. При чемъ была введена круговая порука. Отдѣльные начальники, которые руководили работами, заявили, что если одинъ убѣжитъ, то остальные 9 будутъ разстрѣляны.

Одни должны были рыть траншеи, другіе прокладывать дороги и строить бараки для солдатъ. Работа эта была большей частью сопряжена съ опасностью для жизни. Часто сосланныхъ на работы красноармейцы заставляли выносить подъ огнемъ англичанъ пулеметы, оставленные во время боя. На сосланныхъ смотрѣли, какъ на ополченцевъ. И они должны были до конца похода оставаться въ арміи. Между тѣмъ, руководители 6 арміи

согласно декрета не имѣли права удерживать этихъ людей болѣе трехъ мѣсяцевъ.

Но развѣ въ періодѣ диктатуры существуетъ право. «Какое намъ дѣло до законовъ, существующихъ въ Петроградѣ. — У насъ свои законы! Вся власть на мѣстахъ!»

Работа и сопряженные съ нею опасности не были главнымъ зломъ сосланныхъ. Они куда больше страдали отъ холода и голода. Въ легкой одеждѣ и въ тонкой обуви приходилось этимъ людямъ работать при страшныхъ морозахъ. Между тѣмъ, они отъ арміи не получали никакой соответствующей одежды. Ихъ мольбы оставались безъ отвѣта. Близкіе ихъ и родные отправлялись въ Вологду и привозили имъ съ собой необходимую теплую одежду. Но военныя власти отказывали въ дальнѣйшей отправкѣ вещей на линію фронта, подѣ предлогомъ, что для буржуазіи фронтовая почта работать не можетъ. Солдатамъ же, находившимся въ Вологдѣ и отправлявшимся на фронтъ, вещи довѣрять также нельзя было. Ибо наши красноармейскіе «коммунисты» понимали коммунизмъ по-своему. «Все твое мое, а все мое только мое». Не даромъ уже тогда стали говорить въ народѣ про коммуны — «Кому „на“, а кому нѣтъ».

Отъ голода приходилось сосланнымъ много страдать. Ибо имъ отпускалось весьма малое количество хлѣба, несмотря на то, что они должны были исполнять тяжелую физическую работу. У мѣстныхъ крестьянъ имъ почти ничего не удавалось купить, такъ какъ тѣхъ натравили на несчастныхъ «буржуевъ», которые въ своемъ огромномъ большинствѣ, въ дѣйствительности, таковыми совсѣмъ и не были. Комитеты бѣдности видно уже и на далекомъ сѣверѣ начали проявлять свою «благотворную» дѣятельность по части натравливанія одного класса населенія на другой.

Изъ какихъ элементовъ, между прочимъ, эти комитеты бѣдности состояли, видно хотя бы изъ слѣдующаго весьма характернаго факта, свидѣтелемъ котораго я былъ. Какъ извѣстно, въ концѣ 18 года въ Петроградѣ состоялся съѣздъ комбѣдовъ. На съѣздъ собралось болѣе 20 тысячъ человекъ. Это громадное количество пришлось распредѣлить по всѣмъ свободнымъ частнымъ и общественнымъ помѣщеніямъ Петрограда. Часть этой бѣдности была распредѣлена и въ гостинницѣ «Франція», гдѣ я, въ качествѣ служащаго военнаго комиссаріата, имѣлъ комнату. Когда окончился съѣздъ и «бѣднота» разъѣхалась по домамъ, управляющій гостинницы выяснилъ, что делегаты взяли съ собой нож, вилки, ложки и даже портьеры. На память! Какъ потомъ выяснилось, и въ другихъ гостинницахъ делегаты комбѣдовъ проводили свои коммунистическія идеи тѣмъ же своеобразнымъ способомъ.

Трудовая повинность въ Петроградѣ

Мнѣ пришлось въ центральной комиссіи по трудовой повинности не только заниматься вопросами, связанными съ ссылкой обѣихъ партій «рабочихъ» въ Вологду, но и организаціей трудовой повинности въ самомъ Петроградѣ. Когда была образована центральная комиссія по трудовой повинности, то уже почти во всѣхъ районахъ существовали мѣстныя комиссіи. Комиссіи эти были различнымъ образомъ организованы и каждая по-своему привлекала буржуазію къ трудовой повинности. Чтобы ввести хотя бы въ который порядокъ въ дѣло привлеченія къ трудовой повинности, необходимо

было выработать единый планъ и единый способъ привлеченія къ работамъ. Работа по организаціи трудовой повинности дала мнѣ возможность лично всмотрѣться въ работу, совершавшуюся районными комиссіями. Удручающее впечатлѣніе производили на меня предсѣдатели районныхъ комиссій. Это были въ большинствѣ грубые, жестокіе и невѣжественные люди, которые не умѣли, какъ слѣдуетъ, хотя бы подписать свое имя и которые, конечно, не имѣли никакого понятія, какъ организовать все дѣло. Въ особенности вспоминается мнѣ личность предсѣдателя Выборгской районной комиссіи, тов. Абрамова. Этотъ тов. Абрамовъ имѣлъ лицо типичнаго алко-голика и преступника. Люди, которымъ я имѣлъ полное основаніе вѣрить, увѣряли меня, что онъ при исполненіи своихъ обязанностей вѣчно въ пьяномъ состояніи. Кстати, этотъ самый Абрамовъ былъ впоследствии, послѣ моего ухода, вмѣсто меня назначенъ предсѣдателемъ центральной комиссіи. Повидимому, и Зиновьевъ былъ того же мнѣнія, какъ и Козловскій, что на такого сорта должности годятся лишь преступники.

Ежедневно являлись къ намъ въ центральную комиссію съ жалобами на неправомѣрные дѣйствія въ районныхъ комиссіяхъ. Особенно много было жалобъ на то, что районы привлекали къ трудовой повинности лицъ старше 50 лѣтъ. Насколько мѣстныя власти терроризировали населеніе, видно хотя бы изъ слѣдующаго случая. Ко мнѣ однажды явился полуслѣпой и полуглухой старичокъ. Онъ былъ настолько слабъ, что его должна была провожать его внучка. Каково было мое удивленіе, когда я отъ него узналъ, что его привлекаютъ къ трудовой повинности. Онъ просилъ меня дать ему удостовѣреніе, по которому онъ не долженъ быть привлеченъ къ трудовой повинности. Въ этой просьбѣ я ему отказалъ, ибо считалъ выдачу такого удостовѣренія совершенно излишней. Но черезъ день онъ вновь явился и предъявилъ мнѣ бумагу, на основаніи которой онъ долженъ былъ явиться на работы. Послѣ этого я ему, конечно, выдалъ надлежащее удостовѣреніе.

Однажды Василеостровская районная комиссія послала на работы по выгрузкѣ дровъ партію въ 25 человекъ. Изъ нихъ 12 было старше 50, а 8 старше 55 лѣтъ. Я былъ возмущенъ, что Василеостровская комиссія привлекаетъ на работы только стариковъ. Я ихъ немедленно силою своей власти отъ работъ освободилъ, несмотря на то, что это вызвало нареканіе со стороны другихъ членовъ центральной комиссіи.

Однажды къ намъ въ комиссію была доставлена партія въ 35 человекъ, которую мы должны были распределить по районамъ. Среди этой партіи находился одинъ старый татаринъ, который предъявилъ удостовѣреніе, изъ котораго было видно, что онъ уже отбылъ трудовую повинность въ Спасскомъ районѣ. Комиссія Спасскаго района отпустила его на нѣсколько дней для отдыха. Несмотря на это удостовѣреніе, его вмѣстѣ съ остальными схватили на улицѣ и продержали ночь въ тюрьмѣ. На его протесты членъ Петроградской районной комиссіи, въ предѣлахъ района котораго онъ былъ пойманъ, заявилъ ему: «Какое намъ дѣло до Спасскаго района. Ты пойманъ въ нашемъ районѣ и здѣсь твое удостовѣреніе недѣйствительно».

Татаринъ былъ крайне удивленъ, когда я ему по выясненію этого дѣла заявилъ, что онъ можетъ идти домой. Отъ радости онъ заплакалъ.

«Судъ надъ буржуями»

Однажды вечеромъ къ намъ въ комиссію были приведены десять человекъ изъ Вологды. Они были обвинены въ томъ, что они хотѣли подкупить начальника конвоя, отправлявшаго первую партію на сѣверный фронтъ. Послѣ того, какъ они въ Вологдѣ сидѣли цѣлый мѣсяцъ въ предварительномъ заключеніи, вологодскія власти рѣшили ихъ отправить въ распоряженіе нашей комиссіи. Мои товарищи по комиссіи рѣшили въ свою очередь отправить эти 10 человекъ въ распоряженіе чрезвычайной комиссіи. Я самымъ рѣшительнымъ образомъ сталъ возражать противъ этого рѣшенія, ибо я хорошо зналъ, что въ чрезвычайной комиссіи ихъ ждетъ либо разстрѣлъ, либо, въ лучшемъ случаѣ, долгосрочное тюремное заключеніе. Я потребовалъ, чтобы предварительно мы выслушали этихъ 10 человекъ, а затѣмъ бы рѣшили, что съ ними сдѣлать. Мои товарищи вначалѣ не соглашались съ моимъ мнѣніемъ. Они ко мнѣ стали уже тогда относиться съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, ибо я былъ для нихъ всегда слишкомъ мягокъ. Благодаря происходившимъ часто пререканіямъ, мои отношенія къ остальнымъ членамъ комиссіи становились все болѣе натянутыми. Но все же мнѣ удалось ихъ убѣдить произвести намъ самимъ допросъ присланныхъ въ наше распоряженіе. Допросъ выяснилъ слѣдующія обстоятельства:

Эти 10 человекъ, какъ и многіе другіе, были въ свое время вызваны въ комиссію по трудовой повинности I-го гор. района якобы для регистраціи. Но ихъ, конечно, и не думали регистрировать, а тутъ же, несмотря на протесты, арестовали и отправили въ Семеновскія казармы. Ихъ близкіе узнали объ ихъ печальной участи лишь тогда, когда они уже находились въ Вологодской тюрьмѣ. Такъ какъ обвиняемые по дорогѣ получали весьма мало продовольствія, а съ собой они ничего взять не успѣли, то они собрали между собой деньги, чтобы, какъ они заявили, по прибытіи въ Вологду имѣть возможность, какъ слѣдуетъ, поѣсть. Деньги эти они отдали начальнику конвоя съ просьбой позаботиться объ ихъ пропитаніи. Когда транспортъ прибылъ въ Вологду, всѣ 10 человекъ пошли въ сопровожденіи начальника конвоя на вокзалъ, гдѣ былъ заказанъ ими обѣдъ. Во время ѣды начальника конвоя вызвали къ поѣзду, гдѣ конвойные бросили ему обвиненіе, что онъ подкупленъ этими 10 лицами. Начальникъ конвоя понялъ, что дѣло принимаетъ для него непріятный оборотъ. Онъ заявилъ, что «буржуи» дѣйствительно его хотѣли подкупить, но онъ на это не согласился. А для того, чтобы конвойныхъ успокоить, онъ велѣлъ немедленно арестовать этихъ 10 человекъ. Въ сопровожденіи вѣсколькихъ солдатъ онъ пошелъ въ залъ вокзала, гдѣ обѣдали обвиняемые, и арестовалъ ихъ. По дорогѣ въ тюрьму одинъ изъ солдатъ заявилъ обвиняемымъ, что ихъ вѣдутъ на разстрѣлъ, ибо они пытались подкупить начальника конвоя. Но все же ихъ повели не на разстрѣлъ, а заперли въ тюрьму. На слѣдующій день въ тюрьмѣ ихъ посѣтилъ начальникъ конвоя и заявилъ, что онъ ходатайствовалъ за нихъ и что они будутъ въ скоромъ времени освобождены. Одинъ изъ несчастныхъ заключенныхъ изъ благодарности даже поцѣловалъ у начальника конвоя руку. Но несмотря на обѣщаніе имъ пришлось цѣлый мѣсяцъ пробыть въ Вологодской тюрьмѣ.

Въ объяснительной запискѣ къ этому дѣлу начальникъ конвоя заявлялъ, что эти 10 буржуевъ, дѣйствительно, хотѣли его подкупить, и что онъ

отъ нихъ деньги принялъ, но сдѣлалъ это только для того, чтобы имѣть доказательство противъ обвиняемыхъ. Меня крайне удивило то обстоятельство, что начальникъ конвоя лишь тогда рѣшилъ вернуть деньги, когда его товарищи по конвою стали обвинять его во взяточничествѣ. Кромѣ того, ясно было, что если бы у него совѣсть была чиста, онъ бы не посѣтилъ обвиняемыхъ въ тюрьмѣ и не ходатайствовалъ бы за нихъ. Также было ясно для меня и то, что обвиняемые, дѣйствительно, хотѣли подкупить начальника конвоя, ибо сумма въ 2 тысячи рублей, переданная ими начальнику конвоя, казалась мнѣ слишкомъ большой для одного обѣда, даже для 10 человѣкъ. Но съ другой стороны мнѣ казалось, что нельзя разсматривать, какъ преступленіе, попытку этихъ людей вернуться въ Петроградъ, принимая во вниманіе тѣ обстоятельства, при которыхъ они были взяты на работы. Я рѣшилъ поэтому, во что бы то ни стало, добиться освобожденія этихъ людей, тѣмъ болѣе, что мѣсяцъ пребыванія въ Вологодской тюрьмѣ можно было считать достаточнымъ наказаніемъ. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось убѣдить своихъ товарищей по комиссіи въ правотѣ моихъ доводовъ, и мнѣ не удалось добиться немедленнаго освобожденія этихъ людей, изъ которыхъ никто въ дѣйствительности къ буржуазному классу не принадлежалъ. Одинъ изъ нихъ къ тому же былъ семнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, другой чахоточнымъ.

Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ, мы постановили слѣдующее: Передать ихъ дѣло не въ распоряженіе чрезвычайной комиссіи, а въ районный судъ. При этомъ мы съ обвиняемыхъ взяли расписку, что они каждые три дня до разбора ихъ дѣла въ судѣ будутъ являться для регистраціи въ комиссію. Одновременно мы имъ заявили, что, если кто либо изъ нихъ сбѣжитъ, то всѣ остальные несутъ отвѣтственность по законамъ военнаго времени. Какъ ни суровъ былъ этотъ «приговоръ», я все же далъ подъ него свою подпись, ибо это была единственная возможность облегчить несчастнымъ ихъ страданія.

Но для того, чтобы дѣло этихъ десяти приняло на судѣ по возможности благопріятный для нихъ оборотъ, я лично зашелъ къ предсѣдателю суда, передалъ ему акты по этому дѣлу и соотвѣтственно его обработалъ. При прощаніи онъ мнѣ обѣщалъ дѣло этихъ десяти прекратить.

Въ одно воскресенье на Марсовомъ Полѣ состоялся парадъ. Въ этотъ день состоялся 1-ый выпускъ пролетарскихъ офицеровъ. Погода была мрачной. Шелъ дождь, но парадъ все же удался. Какъ въ старые времена, колонны прошли церемоніальнымъ маршемъ. По окончаніи парада Позернъ обратился съ рѣчью къ пролетарскимъ офицерамъ. Въ ней онъ, между прочимъ, указалъ, что основная задача этихъ новыхъ офицеровъ, вышедшихъ изъ рядовъ пролетаріата, это держать высоко знамя социализма. Имъ суждено будетъ красное знамя революціи водрузить и въ другихъ странахъ.

Я стоялъ рядомъ съ Позерномъ и могъ хорошо поэтому слышать всю его рѣчь. «О какомъ это социализмѣ говоритъ Позернъ, думалъ я, — о томъ социализмѣ, за который боролись тысячи лучшихъ людей? Или, можетъ, онъ думаетъ, что эти офицеры должны съ помощью своихъ штыковъ насадить тотъ «социализмъ», который царитъ у насъ въ центральной комиссіи по трудовой повинности?»

Вечеромъ въ честь красныхъ офицеровъ былъ данъ спектакль въ Маринскомъ театрѣ. Долженъ былъ быть представленъ «Борисъ Годуновъ»

съ Шалянинымъ въ главной роли. Такъ какъ мнѣ нужно было оставаться въ военномъ комиссариатѣ, то я оттуда вмѣстѣ съ Позериомъ прямо поѣхалъ въ театръ. По дорогѣ мы разговорились о нашихъ служащихъ. Мы оба согласились на томъ, что у насъ въ комиссариатѣ, какъ и всюду въ Россіи, плохо работаютъ, и что понемпогу начинаетъ развиваться страшнѣйшій бюрократизмъ.

«Въ этомъ бюрократизмѣ, по-моему, главнымъ образомъ виновата сложная и плохо организованная система нынѣшняго государственнаго управленія», сказалъ я.

«Нѣтъ, не система виновата, возразилъ Позеринъ, а главнымъ образомъ саботажъ интеллигенціи. Кромѣ того, все же нельзя забыть, что народъ еще не привыкъ къ самостоятельной дѣятельности».

«Да, товарищъ, отвѣтилъ я, горько улыбувшись, — въ томъ-то и дѣло, что народъ нашъ еще не столько развитъ, чтобы взять всецѣло бразды правленія въ свои собственныя руки».

«Противъ этого можно еще спорить, по, конечно, многое могло бы быть у насъ лучше. Въ государственномъ механизмѣ многого не хватаетъ».

«Мнѣ кажется, что нельзя съ такою рѣзкостью проводить свои идеи. Мы этой рѣзкостью приобретаемъ лишь излишнихъ враговъ. Многие, что сейчасъ совершается, можетъ быть дѣлаемо въ болѣе мягкихъ и менѣе грубыхъ формахъ».

«Ну, конечно, сказалъ Позеринъ, проницески улыбаясь, — въ болѣе мягкихъ формахъ. Сразу же видно, что вы принадлежите къ соглашателямъ».

Въ этотъ моментъ машина подъѣхала къ театру и мы должны были оборвать нашъ разговоръ.

Въ залѣ Мариинскаго театра, гдѣ въ прежнія времена можно было встрѣтить лишь гвардейскихъ офицеровъ, представителей дворянства, дѣятелей финансоваго міра, надушенныхъ, элегантныхъ дамъ, сидѣли теперь солдаты, рабочіе и совѣтскіе служащіе въ ихъ простыхъ одеждахъ.

Передъ представленіемъ, къ присутствующимъ обратился съ рѣчью народный комиссаръ просвѣщенія, тов. Луначарскій. Онъ напоминалъ о тѣхъ тяжелыхъ временахъ, которыя нѣкогда переживала Россія въ царствованіе Бориса Годунова. Тогда было время, когда русскій народъ боролся за свою національную свободу. Теперь же онъ борется за свое социальное освобожденіе. И какъ тогда, такъ и теперь народъ достигнетъ своего и на развалинахъ стараго капиталистическаго міра, полнаго социальныхъ несправедливостей, онъ построитъ новый міръ, въ соответствии съ идеалами социализма. Онъ указалъ затѣмъ на то, какъ много уже сдѣлано для социального блага народа и что уже достигнуто съ октябрьской революціи во внѣшней и внутренней жизни Россіи. Необходимо еще многое совершить, для того чтобы укрѣпить завоеванія нашей социальной революціи. Но съ другой стороны, можно уже и теперь съ увѣренностью сказать, что революція у насъ въ Россіи побѣдила.

«А вы, красные офицеры, — окончилъ свою рѣчь Луначарскій, — вы покажите врагамъ совѣтской республики, что русскій народъ сумѣетъ защищать свою революцію и свою независимость».

Послѣ рѣчи Луначарскаго начался спектакль. Какъ и всегда, «Борисъ Годуновъ» произвелъ на меня и въ этотъ разъ глубокое впечатлѣніе. Я уже

раньше слышать эту оперу, но никогда содержаніе ея меня такъ не затрагивало, какъ въ тотъ вечеръ.

И мнѣ вдругъ пришла мысль, что и я виновенъ въ одномъ большомъ преступленіи. Развѣ это не я, на основаніи приказа военнаго комиссариата, поручилъ совѣту 1-го гор. района доставить на сѣверный фронтъ необходимое количество человѣческаго матеріала? И въ то время, какъ тамъ на сценѣ передъ глазами царя проходила картина его преступленія, я увидѣлъ предъ собою другую картину: Суровый холодный сѣверъ... Въ траншеяхъ стояли по колѣно въ водѣ, въ разорванныхъ одеждахъ, съ измученными лицами сотни несчастныхъ и совершали свою тяжелую работу. Вдали отъ своихъ близкихъ и друзей погибали тамъ эти мученики и жертвы человѣческаго озвѣренія... Я содрогнулся при этихъ мысляхъ.

Однажды вечеромъ ко мнѣ на квартиру явилась одна знакомая дама и рассказала слѣдующее:

«Четыре мѣсяца тому назадъ мой шуринъ, который служилъ въ Красномъ Крестѣ, былъ арестованъ якобы за спекуляцію. Теперь уже онъ 4 мѣсяца сидитъ въ Кронштадтской тюрьмѣ. Его до сихъ поръ ни разу не допросили. Нѣсколько дней тому назадъ его жена получила отъ него письмо. Въ немъ онъ пишетъ, что тѣло у него покрылось язвами, полученными имъ во время пребыванія въ тюрьмѣ. Изъ письма видно, что онъ въ отчаяніи. Если онъ еще пробудетъ нѣкоторое время въ тюрьмѣ, то я увѣрена, что онъ не выдержитъ, ибо у него къ тому же тяжелый порокъ сердца. Прошу васъ, помогите мнѣ. Можетъ, вы могли бы переговорить, съ кѣмъ нужно, объ этомъ дѣлѣ на Гороховой».

Я ей обѣщала сдѣлать все отъ меня зависящее.

На слѣдующій день я пошелъ въ чрезвычайную комиссію и велѣлъ о себѣ доложить члену президіума, тов. Чурину, у котораго находилось дѣло, о которомъ я хотѣлъ хлопотать. Онъ меня принялъ крайне любезно и затребовалъ немедленно акты по этому дѣлу. Но прошло не менѣе часа, пока, наконецъ, акты были найдены.

Когда тов. Чуринъ прочелъ документы, онъ заявилъ: «Да, послушайте, вѣдь этотъ же господинъ бывшій офицеръ».

«Да, во время войны онъ былъ офицеромъ», — отвѣтилъ я.

«Такъ что жъ вы хотите? Этимъ все сказано».

«Но, помилуйте, товарищъ, — возразилъ я, — я думаю, что принадлежность къ офицерскому сословію не является еще достаточной причиной, чтобы держать человѣка четыре мѣсяца безъ допроса».

«Я не понимаю, что вы отъ меня хотите? Вы же слышали, что этотъ человѣкъ бывшій офицеръ».

«По моему, это еще не есть преступленіе».

«Какъ вы можете мнѣ говорить такія вещи?» — сказалъ онъ, возвысивъ голосъ. «Если вы революціонеръ, то вы не должны такъ говорить».

Потомъ вдругъ неожиданно онъ спросилъ меня:

«Скажите, товарищъ, а вы коммунистъ?»

Разговоръ, повидимому, сталъ принимать для меня непріятный оборотъ. Послѣ нѣкотораго раздумья я спокойно отвѣтилъ:

«Итъ, я не членъ коммунистической партіи».

«Вы не коммунистъ», — произнесъ Чурипъ, и онъ посмотрѣлъ на меня удивленными глазами. «Такъ какимъ образомъ, скажите мнѣ, пожалуйста, вы являетесь председателемъ центральной комиссіи по трудовой повинности?»

При этомъ вопросѣ я, откровенно говоря, почувствовалъ себя довольно неважно. Въ холодномъ тонѣ я отвѣтилъ:

«По всей вѣроятности, имѣлись основанія, почему меня районныя комиссіи избрали председателемъ. Но я вижу, что намъ съ вами больше не о чемъ говорить. До свиданія».

И съ этими словами я покинулъ чрезвычайку.

Я пошелъ пѣшкомъ домой. Мнѣ захотѣлось вдругъ курить, но папирсъ у меня не было. По карточкамъ уже цѣлый мѣсяцъ ни одной штуки пельзя было получить. На Невскомъ я замѣтилъ на различныхъ углахъ женщинъ, мужчинъ и дѣтей, продававшихъ по безбожнымъ цѣнамъ хлѣбъ, шоколадъ, сахаръ, папирсы и тому подобныя вещи. Я подошелъ къ одной пожилой женщинѣ, которая продавала папирсы и спросилъ ее, сколько онѣ стоятъ.

«За деньги я не продаю», получилъ я въ отвѣтъ. «Я мѣняю папирсы лишь на хлѣбъ».

Я содрогнулся отъ этого отвѣта. Вотъ до чего дошла наша хлѣбородная Россія!

На углу Литейнаго и Невскаго продавцовъ было такъ много, что они образовали цѣлую толпу. Такъ какъ я никогда не имѣлъ возможности внимательно всмотрѣться въ уличную жизнь Петрограда, то я рѣшилъ использовать свободное время, которое я случайно тогда имѣлъ, и немощко потолкаться среди этой разношерстной толпы.

«Не хотите ли шоколаду, молодой человекъ», — спросила меня хорошо одѣтая дѣвушка.

Одновременно ко мнѣ подбѣжало еще нѣсколько человекъ и предложили мнѣ какую-то, съ позволенія сказать, дрянь. Въ толпѣ я замѣтилъ двухъ юныхъ гимназистовъ, въ возрастѣ отъ 13 до 14 лѣтъ. Они громко предлагали прохожимъ свой товаръ — горячіе пирожки. Въ этотъ моментъ подошли къ мальчуганамъ нѣсколько кокотокъ; одна изъ нихъ спросила: «Сколько же стоитъ пирогъ?» «Пять рублей штука», заявилъ одинъ изъ гимназистовъ.

«Ишь ты, маленькій спекулянтъ, какую цѣну загнулъ. Можетъ быть, ты дешевле продашь», сказала она сладкимъ голосомъ и нѣжно прижалась къ мальчику. Въ этотъ моментъ проходило какъ разъ трое матросовъ.

«Ишь ты, какія хорошенькія дѣвочки», — крикнулъ одинъ изъ нихъ, а затѣмъ, подмигивая глазомъ, онъ сказалъ: «Пойдемте-ка съ нами, нечего вамъ тутъ безъ дѣла шататься». Кокотки немедленно оставили гимназистовъ вмѣстѣ съ ихъ пирожками и ушли съ матросами.

«Да, конечно», крикнулъ одинъ изъ мальчугановъ вдогонку уходившимъ кокоткамъ. «Какъ только увидите вашихъ кавалеровъ, такъ вы ужъ готовы все забыть», и при этомъ онъ выругался крѣпкимъ русскимъ словомъ.

Эта сценка лучше всякихъ словъ показывала, что заботы большевиковъ о подростающемъ поколѣніи, благодаря общему тяжелому положенію, въ которомъ находилась страна, фактически сводится къ нулю.

Вначалѣ октября 18-го года матушка и братъ мой покинули Петроградъ. Матушка моя уѣхала въ Германію къ своимъ родственникамъ, а братъ мой рѣшилъ переѣхать въ Вильну. Тамъ можно было еще кое-какъ прокормиться, ибо въ Петроградѣ становилось невозможнымъ жить съ женой и ребенкомъ. Когда я встрѣчалъ своего маленькаго племянника, то сердце мое всегда надрывалось отъ боли. Мальчикъ былъ блѣденъ и худъ. Несмотря на свои пять лѣтъ, голодъ заставлялъ его вдумываться въ то, что происходило. «Знаешь что, дядя, — сказалъ онъ мнѣ однажды, — теперь нужно меньше ѣсть, ибо у насъ въ странѣ голодъ». Но не только голодъ заставилъ моего брата покинуть Петроградъ. Онъ былъ членомъ центральнаго комитета Плехановской группы «Единства» и, въ качествѣ такового, ему вновь могъ грозить арестъ. И такъ какъ никакихъ дальнѣйшихъ видовъ на будущее въ Питерѣ не было, то ему ничего другого не оставалось, какъ покинуть родной городъ. Вообще, къ этому времени началось повальное бѣгство изъ Питера. Кто только могъ, покидалъ голодную столицу. Изъ круга моихъ знакомыхъ и близкихъ я почти остался одинъ въ Петроградѣ. Улицы опустѣли. Бывшаго міроваго города нельзя было узнать...

Вечеромъ 10 ноября пришли первыя извѣстія о германской революціи. Вечеромъ того же дня я долженъ былъ переговорить по одному дѣлу съ начальникомъ политическаго управленія военнаго комиссаріата Ильинымъ-Женевскимъ. Когда я вошелъ въ кабинетъ къ Ильину, его тамъ еще не было. Я рѣшилъ подождать. Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вошелъ одинъ изъ служащихъ комиссаріата и спросилъ начальника Политическаго Управленія. Секретарь сказалъ, что онъ сейчасъ придетъ, но если проситель желаетъ, то онъ можетъ обратиться и ко мнѣ. Тогда служащій подошелъ ко мнѣ и спросилъ меня, не могу ли я ему помочь въ томъ горѣ, которое его постигло. На мой вопросъ, въ чемъ дѣло, онъ рассказалъ мнѣ слѣдующее:

Изъ-за событій послѣдняго времени жена его лишилась разсудка. Ея помѣшательство произошло на религіозной почвѣ. Вначалѣ онъ помѣстилъ ее въ одной лечебницѣ для умалишенныхъ. Но въ виду того, что условія пребыванія въ больницѣ были ужасно тяжелыми, то онъ рѣшилъ взять ее обратно къ себѣ домой. Такъ какъ дома призоръ за ней былъ довольно слабый, то ей удалось однажды бѣжать изъ дому. Какъ потомъ оказалось, она сѣла въ поѣздъ по направленію въ Новгородъ. Въ Новгородѣ на вокзалѣ она была арестована агентами Новгородской чрезвычайки. При допросѣ она, какъ потомъ было занесено въ протоколъ, заявила, что она ниспослана Богомъ на землю проповѣдывать слово Божіе, для того, чтобы люди вновь стали думать о спасеніи души своей и ходить въ церковь. Въ-место того, чтобы на основаніи этого несвязнаго бреда передать ее на излеченіе въ лечебницу для умалишенныхъ, члены Новгородской чрезвычайной комиссіи не сочли даже нужнымъ подвергнуть ее медицинскому осмотру, а прибѣгли къ болѣе радикальному средству. Они постановили несчастную разстрѣлять.

«Я прошу васъ, закончилъ нашъ служащій свой печальный рассказъ, — помогите мнѣ, чтобы мнѣ выдали тѣло жены и чтобы я могъ ее похоронить. Вотъ это все, о чемъ я прошу».

Послѣ того, какъ онъ мнѣ предъявилъ соотвѣтствующіе документы, по которымъ я могъ провѣрить правдивость его разсказа, я обѣщаль переговоры объ этомъ дѣлѣ съ начальникомъ политическаго отдѣла.

Мнѣ вспомнился при этомъ другой случай, гдѣ также виновные не понесли должнаго наказанія. Нѣсколько дней до того, въ кабинетъ того же начальника управленія взволнованно вбѣжалъ одинъ изъ комиссаровъ Военнаго Контроля. На мой вопросъ о причинѣ его волненія, онъ мнѣ отвѣтилъ:

«Чортъ знаетъ, что такое! произошла довольно неприятная исторія. Представьте себѣ, изъ Пскова мнѣ переслали бумаги по дѣлу одного бѣлогвардейскаго шпіона на мое окончательное разсмотрѣніе. Я дѣло внимательно прочелъ и написалъ резолюцію: разстрѣлять. И вотъ теперь получаю изъ Пскова сообщеніе, что псковской отдѣлъ по недоразумѣнію разстрѣлялъ другого. На мой вопросъ, будутъ ли тѣ, которые виновны въ этомъ «недоразумѣніи», привлечены къ отвѣтственности, комиссаръ мнѣ сказалъ: «Гдѣ же тамъ ихъ привлекать къ отвѣтственности. Вѣдь не можемъ же мы въ самомъ дѣлѣ ежедневно мѣнять нашихъ уполномоченныхъ и слушающихъ».

Взятничество въ 1-омъ гор. районѣ

Для меня было, съ самаго начала моего пребыванія въ центральной комиссіи по трудовой повинности, ясно, что большое количество членовъ районной комиссіи, а также служащіе обогащаются, пользуясь существующимъ произволомъ. Я про себя рѣшилъ, что если я кого-либо изъ служащихъ поймаю съ поличнымъ, то я его немедленно передамъ въ распоряженіе чрезвычайной комиссіи.

Центральная комиссія по трудовой повинности и комиссія 1-го гор. района находились въ одномъ и томъ же зданіи. Благодаря этому я имѣлъ возможность болѣе близко познакомиться съ работами комиссіи даннаго района. Я уже съ нѣкотораго времени сталъ обращать вниманіе на дѣйствія бывшаго секретаря центральной комиссіи Вомпаса, который сталъ членомъ районной комиссіи. Это былъ тотъ самый «герой», который съ револьверомъ въ рукахъ разгонялъ плачущихъ женщинъ. Хотя Исполкомъ мѣстнаго совдепа представилъ мнѣ его въ качествѣ убѣжденнаго коммуниста, я все же особеннаго довѣрія къ этому «коммунисту» не имѣлъ.

Среди многочисленныхъ просителей, пришедшихъ ко мнѣ съ просьбой объ освобожденіи ихъ близкихъ, сосланныхъ на работу въ Вологду, была и одна женщина, которая мнѣ предъявила медицинское свидѣтельство о болѣзни ея мужа. По этому свидѣтельству мужъ ея якобы страдалъ какой-то весьма тяжелой болѣзью ногъ и поэтому, якобы, не былъ способенъ къ какой бы то ни было физической работѣ. Я прошеніе и свидѣтельство этой женщины переслалъ Вологодскимъ властямъ и попросилъ ихъ подвергнуть сосланнаго медицинскому осмотру, и въ случаѣ если окажется, что онъ, дѣйствительно, боленъ той болѣзью, о которой говорилось въ прошеніи, немедленно его освободить. Для ускоренія его возможнаго освобожденія, я сообщалъ сущность дѣла по телеграфу.

Объ этомъ дѣлѣ я уже почти забылъ, какъ вдругъ я о немъ вспомнилъ изъ-за вмѣшательства Вомпаса.

Послѣдній черезъ нѣкоторое время явился ко мнѣ и сказалъ:

«Будьте добры, товарищъ, освободите тутъ одного сосланнаго, который недавно прибылъ сюда изъ Вологды. Его, видите ли, послали въ Питеръ закупить папирасы. Теперь же выяснилось, что человѣкъ этотъ боленъ, и вотъ онъ стремится использовать временное пребываніе въ Петроградѣ, чтобы его окончательно освободили отъ трудовой повинности. Когда онъ ко мнѣ пришелъ и рассказалъ въ чемъ дѣло, то я сказалъ ему, что онъ можетъ, пока что, оставаться въ Питерѣ. Вы товарищъ, надѣюсь, противъ этого ничего имѣть не будете. Мнѣ ужъ больно жалко его стало. Я думаю, что вы тоже рѣшите его освободить».

Я былъ крайне удивленъ, что какъ разъ Вомпасъ явился ко мнѣ просить за одного изъ сосланныхъ. Если бы кто-нибудь изъ другихъ товарищей обратился бы ко мнѣ съ такой просьбой, то у меня, вавѣрное, не появилось задней мысли. Но чтобы человѣкъ, котораго я зналъ, какъ очень грубаго и жестокаго субъекта, явился бы ко мнѣ и сталъ просить за другого, это казалось мнѣ явленіемъ болѣе чѣмъ страннымъ. И я рѣшилъ, что тутъ что-то не въ порядкѣ. Я отвѣтилъ ему поэтому:

«Сосланный будетъ только въ томъ случаѣ освобожденъ, если совѣтскій врачъ удостовѣритъ его неспособность къ труду».

Когда я затѣмъ спросилъ Вомпаса о фамиліи того, о которомъ онъ такъ пѣжво заботился, то оказалось, что это тотъ самый, объ условномъ освобожденіи котораго я телеграфировалъ въ Вологду. Черезъ два дня, во время приемныхъ часовъ, Вомпасъ меня вновь посѣтилъ, на этотъ разъ со своимъ протеемъ.

«Это и есть тотъ человѣкъ, сказалъ Вомпасъ, — о которомъ я уже говорилъ вамъ, товарищъ. Онъ боленъ, а потому его нельзя отправить обратно въ Вологду».

Я попросилъ тогда предъявить свидѣтельство совѣтскаго врача, но проситель предъявилъ мнѣ свидѣтельство, написанное частнымъ врачомъ.

«Къ чему вы предъявляете мнѣ эту бумагу, сказалъ я ему, — вѣдь вы очень хорошо знаете, что свидѣтельства частныхъ врачей недѣйствительны. Будьте поэтому любезны немедленно отправиться къ нашему врачу. Пусть онъ васъ подвергнетъ осмотру и напишетъ соотвѣтствующее свидѣтельство, а это свидѣтельство я пока-что оставлю у себя».

«А вамъ къ чему это свидѣтельство?» — спросилъ меня взволнованнымъ голосомъ Вомпасъ.

«На то у меня имѣются свои соображенія», отвѣтилъ я холодно.

«Вамъ не къ чему этотъ документъ, отдайте мнѣ его обратно», кричала Вомпасъ.

И съ этими словами онъ хотѣлъ вырвать изъ рукъ моихъ медицинское свидѣтельство просителя.

«Пожалуйста, не забывайтесь, документъ останется у меня».

Я поднялся со своего мѣста и далъ обоимъ понять, что разговоръ оконченъ.

Послѣ того, какъ Вомпасъ съ просителемъ ушли, я немедленно записалъ фамилію «больного» и рѣшилъ арестовать его, въ случаѣ если въ теченіе ближайшихъ трехъ дней онъ не явится ко мнѣ со свидѣтельствомъ совѣтскаго врача. Нервное и неожиданно человѣколюбивое поведеніе Вомпаса заставляли меня заключить, что онъ подкупленъ. Прошли три дня, проситель не приходилъ. Вомпасъ по всей вѣроятности ему посоветовалъ, не

являться больше въ комиссію. Онъ, повидимому, падѣлся на то, что я, будучи страшно обремененъ работой, по просту забуду это дѣло. Съ другой же стороны, достаточно было, чтобы Вомпасъ выдалъ просителю соответствующій документъ, и тотъ не могъ быть больше привлеченъ въ Петроградѣ къ трудовой повинности. Но я дѣла не забылъ. На четвертый день я отдалъ приказъ объ арестѣ уклонявшагося отъ трудовой повинности. Арестъ былъ произведенъ въ тотъ же день и уклонявшійся былъ въ сопровожденіи 2-хъ красноармейцевъ препровожденъ къ намъ въ комиссію. Арестованный былъ въ крайне угнетенномъ состояніи.

«Мнѣ извѣстно, — заявилъ я ему, — что вы, чтобы избѣжать трудовой повинности, подкупили одного изъ служащихъ районной комиссіи. Я вамъ совѣтую немедленно сказать мнѣ всю правду. Это въ вашемъ же интересѣ».

Но онъ категорически отрицалъ предъявленное ему обвиненіе.

«У меня здѣсь нѣтъ времени съ вами долго разговаривать, заявилъ я ему въ суровомъ тоиѣ. Если вы мнѣ немедленно не скажете всю правду, то я велю васъ сегодня еще отправить въ Вологду».

«Помилуйте, господинъ комиссаръ, да какъ же вы можете меня, больного человѣка, послать вновь на работы. Вѣдь я же не могу работать. Ужъ тогда вы меня лучше прямо разстрѣлять велите».

«Я вамъ еще разъ заявляю: вы мнѣ должны рассказать всѣ обстоятельства подкупа. Если вы мнѣ не расскажете правды, то вы будете сосланы. Если же вы мнѣ скажете правду, то я вамъ здѣсь, въ присутствіи своего секретаря, даю обѣщаніе, что я васъ возьму подъ свое покровительство. Для меня важно искоренить взяточничество въ нашей комиссіи».

Послѣ нѣкотораго упорства арестованный мнѣ рассказалъ слѣдующее:

Когда онъ прибылъ въ Питеръ съ цѣлью закупить для нуждъ красной арміи папиросы, онъ рѣшилъ сдѣлать все отъ себя зависящее, чтобы остаться здѣсь. Такъ какъ несмотря на его болѣзнь, его уже разъ сослали на работы, то онъ пришелъ къ тому убѣжденію, что освободиться отъ трудовой повинности законѣрнымъ способомъ онъ не можетъ. Онъ поэтому сталъ узнавать, кто въ совѣтѣ беретъ взятку. Ему указали на нѣкого Таммера, работавшаго въ транспортномъ отдѣлѣ 1-го гор. района. Онъ пошелъ къ этому Таммеру и спросилъ его, нельзя-ли какимъ-либо способомъ освободиться отъ трудовой повинности. Таммеръ отвѣтилъ ему, что это возможно, но что это будетъ стоить двѣ тысячи рублей. На это предложеніе арестованный немедленно согласился. На слѣдующій вечеръ онъ явился вмѣстѣ съ Таммеромъ къ Вомпасу. Таммеръ повелъ разговоръ съ Вомпасомъ на эстонскомъ языкѣ, такъ что арестованный не могъ понять его содержанія. Послѣ этого разговора Таммеръ увѣрилъ арестованнаго въ томъ, что Вомпасъ обѣщаль ему провести это дѣло. На слѣдующій день Таммеръ ему сказалъ, чтобы онъ принесъ медицинское свидѣтельство. Съ этимъ свидѣтельствомъ Вомпасъ явился съ нимъ ко мнѣ въ комиссію, гдѣ и произошла описанная выше сцена. Но такъ какъ попытка Вомпаса не удалась, то всѣ трое рѣшили въ этотъ вечеръ встрѣтиться въ кафе. Вомпасъ и Таммеръ обѣщали арестованному, что все, что въ дальнѣйшемъ нужно, они сдѣлаютъ самп безъ него и что ему не нужно будетъ приходить больше въ совѣтъ. Затѣмъ они ему дали удостовѣреніе, въ которомъ было сказано, что районная комиссія освобождаетъ его отъ трудовой повинности. Послѣ этого освобожденный передалъ Таммеру условленный «гонораръ».

Показанія арестованнаго были письменно изложены и имъ подписаны. Затѣмъ я ему заявилъ: «Теперь вы можете идти домой, вы свободны. послѣ всѣхъ тѣхъ несправедливостей, которыя вамъ пришлось пережить за послѣднее время, вамъ ничего другого не оставалось дѣлать, какъ освободиться съ помощью взятки. Но что нашлись люди, которые использовали ваше тяжелое положеніе для своего обогащенія, это является наибольшей подлостью и низостью. Вомпасъ и Таммеръ будутъ привлечены мною къ отвѣтственности».

Въ тотъ же день я передалъ дѣло чрезвычайной комиссіи. При этомъ я заявилъ, что я, въ качествѣ предсѣдателя центральной комиссіи, освободилъ арестованнаго мною «буржуя» и объяснилъ причину этого моего поступка. Но членъ президіума, съ которымъ я разговаривалъ, не согласился съ моими доводами. «Необходимо арестовать и „буржуя“», заявилъ онъ.

«Я васъ прошу, пожалуйста, этого не дѣлать, сказалъ я, — ибо я попаду въ крайне неловкое положеніе. Вѣдь я ему обѣщалъ, что онъ къ отвѣтственности привлеченъ не будетъ».

«Да, товарищъ, но вы не имѣли права дать такое обѣщаніе, отвѣтилъ членъ президіума. Какъ мнѣ ни неприятно, но я долженъ буду и его арестовать».

Въ плохомъ настроеніи я вышелъ изъ чрезвычайной комиссіи. Такъ какъ было уже поздно, то я не могъ больше обѣдать въ нашемъ комиссариатѣ, а потому я пошелъ въ «Медвѣдь», гдѣ находилась одна изъ многочисленныхъ «коммунистическихъ» столовыхъ, гдѣ за дешевую цѣну «счастливое населеніе» Петрограда могло получать обѣдъ. Передъ кассой стояла большая толпа людей, которая страшно шумѣла. Одни кричали, другіе ругались, третіе выражали свое неудовольствіе по той или иной причинѣ: въ общемъ передо мною стояли недовольные и злые люди. Голодъ измѣнилъ не только внѣшнее петроградца, но также оказалъ вліяніе на измѣненіе его характера. Онъ сталъ какимъ-то меланхоличнымъ, замкнутымъ, недовольнымъ и озлобленнымъ.

Вернувшись домой, я вновь сталъ думать о тѣхъ трехъ, которыхъ должны будутъ этой ночью арестовать.

И вдругъ мнѣ пришла одна мысль. Я быстро подошелъ къ телефону и сталъ нервно перелистывать телефонную книжку. «Вѣрно, слава Богу, у него есть телефонъ». Я позвонилъ. Къ телефону подошла жена буржуя. Нѣсколько взволнованнымъ голосомъ сказалъ я: «У телефона предсѣдатель центральной комиссіи по трудовой повинности». И я при этомъ назвалъ свою фамилію. «Прошу васъ, передайте вашему мужу, чтобы онъ немедленно явился ко мнѣ на мою частную квартиру. Я хочу съ нимъ переговорить объ одномъ для него весьма важномъ дѣлѣ. Ему нечего бояться, онъ можетъ спокойно ко мнѣ явиться».

И дѣйствительно, черезъ часъ гражданинъ явился. Нѣсколько боязливо и смущенно онъ вошелъ въ мою комнату. Я попросилъ его сѣсть и при этомъ я замѣтилъ, какъ руки его дрожали. Внѣшне спокойно, но въ душѣ будучи крайне взволнованнымъ, я сталъ говорить:

«Я васъ къ себѣ попросилъ, чтобы вамъ заявить, что дѣло ваше находится нынѣ на Гороховой 2. Къ сожалѣнію, слѣдователь, у котораго находится ваше дѣло, не согласился съ моей точкой зрѣнія. Онъ рѣшилъ привлечь также васъ къ отвѣтственности. И поэтому вы сегодня ночью будете

на вашей квартирѣ арестованы. Я вамъ обѣщала, что я сдѣлаю все отъ меня зависящее, чтобы помочь вамъ въ вашемъ тяжеломъ положеніи. Слово свое я сдержу. Я вамъ совѣтую сдѣлать слѣдующее. Вы дома сегодня больше почевать не должны. А сейчасъ вы пойдите домой, скажите вашей женѣ, въ чемъ дѣло, сдѣлайте ей соотвѣтствующія указанія и завтра же покиньте Петроградъ. А чтобы вамъ легче было скрываться, вотъ возьмите паспортъ на чужое имя».

И съ этими словами я ему передала одинъ изъ многочисленныхъ паспортовъ, которые находились въ центральной комиссіи.

Я вамъ еще разъ хочу сказать лишь одно: «Если я самъ сейчасъ совершаю незаконный поступокъ, то только потому, что я разсматриваю вашъ проступокъ не какъ преступленіе. Какъ служащій, я васъ долженъ признать виновнымъ и привлечь къ отвѣтственности, но какъ человекъ, я васъ считаю жертвой нынѣшняго беззаконія, и именно поэтому мнѣ не хочется взять на свою совѣсть отвѣтственность за вашу жизнь».

Гражданинъ взялъ паспортъ и не промолвилъ ни слова. Съ удивленными глазами онъ смотрѣлъ на меня. Потомъ онъ всталъ и произнесъ тихимъ дрожащимъ голосомъ: «Такъ значитъ, я долженъ уѣхать изъ Питера?»

«Вамъ ничего другого не остается дѣлать, если вы еще сегодня не хотите сидѣть въ тюрьмѣ».

Онъ провелъ рукой по лбу и быстро затѣмъ произнесъ: «Да, конечно, вы правы, другого исхода нѣтъ».

Потомъ онъ схватилъ мою руку, крѣпко пожалъ ее и сказалъ:

«Спасибо».

Когда онъ ушелъ, мнѣ казалось, точно громадная тяжесть свалилась съ моихъ плечъ. Мнѣ стало вдругъ легко на душѣ. Я зналъ, почему: человекъ во мнѣ побѣдилъ чиновника.

Въ ту же ночь Таммеръ и Вомпасъ были арестованы. Но на слѣдующее утро, придя къ себѣ въ комиссію, я былъ крайне удивленъ, когда я узналъ, что Вомпаса освободили изъ чрезвычайной комиссіи. Когда я потребовалъ въ чрезвычайной комиссіи разъясненія, то слѣдователь, тов. Лебедевъ, мнѣ объяснилъ, что изъ допроса и изъ всего дѣла невозможно точно выяснитъ, что Вомпасъ также получилъ взятку.

«Въ то же время, сказалъ Лебедевъ, — Исполкомъ 1-го гор. района мнѣ звонилъ по телефону и заявилъ, что Вомпасъ хорошій коммунистъ и что его просятъ поэтому освободить. Такъ я его рѣшилъ тогда освободить».

Я обратилъ вниманіе тов. Лебедева на то, что Вомпасъ, внѣ всякихъ сомнѣній, также виновенъ въ полученіи взятки. Если и нельзя точно доказать, что онъ самъ лично взялъ деньги, то все же нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ съ Таммеромъ работалъ сообща. «Вѣдь я думаю, что чрезвычайной комиссіи извѣстно, замѣтилъ я, — что многіе, которые берутъ взятки, изъ осторожности совершаютъ сдѣлки черезъ агентовъ. Роль такого агента могъ играть въ данномъ случаѣ Таммеръ, тѣмъ болѣе, что послѣдній прямого отношенія къ нашей комиссіи не имѣетъ. И если все же Таммеръ дѣлалъ «дѣла» по освобожденію отъ трудовой повинности, то только потому, что онъ зналъ, что у него есть кто-то въ районной комиссіи, кто готовъ освободить, и этотъ кто-то и былъ Вомпасъ. И ясно также, что онъ изъ одной любезности къ Таммеру на такое дѣло не могъ пойти».

«Да, вы, положимъ, правы, товарищъ, отвѣтилъ Лебедевъ, — но вѣдь все же нельзя доказать, что Вомпасъ былъ непосредственно подкупленъ. Кромѣ того, какъ я вамъ говорилъ, товарищъ, Исполкомъ за него просилъ, онъ незамѣнимый работникъ».

Послѣ такого отвѣта я считалъ лишнимъ бесѣдовать объ этомъ дѣлѣ съ товарищемъ Лебедевымъ.

Я покинулъ чрезвычайку съ тяжелымъ чувствомъ. Интриги противъ меня со стороны моихъ товарищей по комиссиіи все увеличивались. Меня обвиняли всегда въ томъ, что я, якобы, слишкомъ мягокъ къ привлекаемымъ къ трудовой повинности. Между тѣмъ, мягкость моя состояла въ дѣйствительности только въ томъ, что я слѣдилъ за тѣмъ, чтобы районныя комиссиіи исполняли инструкціи, изданныя въ свое время Петроградскимъ Совѣтомъ. Меня поэтому не смущали тѣ обвиненія, которыя порою бросали въ меня мои коллеги по комиссиіи. Я, право, не изъ-за нихъ рѣшилъ пойти на службу въ центральную комиссию по трудовой повинности. Но, съ другой стороны, для меня было всегда ясно, что мое независимое и подчасъ оппозиціонное поведеніе рано или поздно приведетъ меня къ паденію и я вынужденъ буду покинуть свой постъ. А теперь, тѣмъ болѣе, я чувствовалъ, что я не долго еще останусь во главѣ нашихъ комиссиіи. Вомпасъ и его друзья изъ 1-го гор. совѣта уже позаботятся о томъ, чтобы меня вытравить изъ центральной комиссиіи. Кромѣ того, и мое отношеніе ко всей Вологодской трагедіи вызвало недовѣріе ко мнѣ въ Петроградскомъ совѣтѣ. Въ верхахъ мной были недовольны. Я къ моей должности, повидимому, не «подходилъ».

Дѣло въ томъ, что я не только велъ переговоры съ командующимъ 6-ой арміи, который согласился на то, чтобы я могъ освободить отдѣльныхъ лицъ, но я также сталъ пытаться вообще вернуть обѣ партіи, сосланныя въ Вологду такимъ поистинѣ возмутительнымъ и неслыханнымъ способомъ. Послѣ того, какъ я собралъ достаточно матеріала, изъ котораго видно было, какимъ образомъ произошла «мобилизація», я рѣшилъ предъявить весь этотъ матеріалъ Позерну и привлечь его на свою сторону. «Позернъ, думалъ я, является единственнымъ человѣкомъ, который мнѣ поможетъ. Онъ вѣдь долженъ понять, что съ точки зрѣнія элементарной государственной мудрости нельзя допустить, чтобы государство обманвымъ способомъ завлекло граждавъ на военныя работы».

Я поѣхалъ въ военный комиссаріатъ. Позерна какъ разъ не было въ зданіи. Но онъ долженъ былъ скоро прійти и поэтому я рѣшилъ его подождать. Случайно я встрѣтилъ Женевского. «Ахъ, товарищъ, сказалъ онъ, — какъ поживаете, давно васъ здѣсь не видно было. Ну, что слышно хорошаго?» «Вотъ счастливый случай, подумалъ я, — надо Женевского обработать! вѣдь онъ, какъ никакъ, тутъ важная птица!»

Я поэтому пошелъ съ нимъ вмѣстѣ въ его кабинетъ и рассказалъ ему, по какому дѣлу я желаю говорить съ Позерномъ. И для того, чтобы показать, какой невѣроятный произволъ царилъ при «охотѣ» на улицахъ на буржуазію и при отправкѣ на работу въ Вологду, я ему рассказалъ слѣдующій случай изъ моей «практики».

«Охота на Невскомъ какъ разъ подходила къ концу. Было арестовано около 500 человѣкъ. Среди нихъ были и женщины, которыхъ разставили

въ ряды и окружили конвоемъ. Въ этотъ моментъ случайно проходилъ молодой человекъ съ портфелемъ въ рукахъ. Когда онъ увидѣлъ нѣсколько необыкновенную даже и для тогдашнихъ временъ сцену, онъ остановился и сталъ съ любопытствомъ глядѣть, какъ отправляютъ буржуазію на работу. Постоявъ такъ нѣсколько минутъ, онъ подошелъ къ одному изъ конвойныхъ и спросилъ его, въ чемъ дѣло. Но солдатъ оттолкнулъ его прочь. Молодой человекъ нѣсколько не смутился и обратился съ тѣмъ же вопросомъ къ другому солдату. Тотъ оказался нѣсколько болѣе «энергичнымъ». Онъ схватилъ молодого человека за воротникъ, толкнулъ его въ стоявшую для отправки партію людей и произнесъ, смѣясь: «Ты хочешь знать, что случилось. Такъ вотъ, пожалуйста, сюда! Теперь ты узнаешь, куда тебя отправятъ». Такимъ образомъ несчастный долженъ былъ отправиться въ казармы. Три дня онъ ходилъ по двору казармы, держа все время портфель въ рукахъ, а на третій день онъ вмѣстѣ съ другими былъ отправленъ въ Вологду.

«Вотъ, занятая исторія, произнесъ Женевскій, — вѣдь это же прямо анекдотъ», и онъ сталъ смѣяться. Это было все, что онъ могъ мнѣ отвѣтить на мою просьбу о поддержкѣ моего дѣла. Для него, повидимому, этотъ случай не былъ страшнымъ примѣромъ того произвола, который царилъ у насъ въ Россіи, но всего только занятной исторіей, которая его совершенно не возмутила.

Я пошелъ затѣмъ къ Позерну, который къ тому времени уже возвратился въ комиссаріатъ, рассказалъ ему, въ чемъ дѣло, и просилъ его принять мѣры къ возвращенію сосланныхъ обратно въ Петроградъ. Но велико было мое удивленіе, когда Позернъ мнѣ отвѣтилъ: «Что случилось, того не воротить. Эти люди необходимы на фронтѣ, а изъ-за какой-то гуманности мы не можемъ ослаблять нашу армію. Вы очень хорошо знаете, товарищъ, прибавилъ онъ, улыбаясь, что на слезы и мольбы мы въ нынѣшнее время обращать вниманія не можемъ».

Отвѣтъ этотъ тѣмъ болѣе меня возмутилъ, что я его слышалъ отъ Позерна.

«Рѣчь идетъ не о слезахъ, возразилъ я въ рѣзкомъ тонѣ, а въ первую очередь о томъ, что наше достоинство падаетъ въ глазахъ населенія. Такіе случаи, какъ такъ называемая «мобилизація» на трудовую повинность ни въ какомъ случаѣ не могутъ привести къ усиленію власти революціоннаго правительства. Наоборотъ, такими способами управленія мы сами себѣ роимъ могилу. Кромѣ того, на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя у меня имѣются, я могу вамъ заявить, что сосланные никакой пользы своей работой не приносятъ. Вѣдь какіе же это, въ концѣ концовъ, рабочіе?»

«Простите, товарищъ, но объ этомъ дѣлѣ дальше съ вами разговаривать у меня нѣтъ времени. Вы больше ничего не имѣете мнѣ сообщить?»

«Нѣтъ», отвѣтилъ я, и вышелъ изъ кабинета.

Отношеніе Позерна къ этому дѣлу меня глубоко возмутило. Онъ былъ единственнымъ человекомъ изъ власти имущихъ, который могъ бы мнѣ помочь въ возвращеніи сосланныхъ въ Вологду. Но я все же не унывалъ.

Я созвалъ собраніе изъ представителей всѣхъ районныхъ комиссій, гдѣ я внесъ предложеніе о томъ, что по постановленію районныхъ комиссій на центральную комиссію по трудовой повинности возлагается обязанность снестись съ надлежащими властями съ цѣлью возвращенія сосланныхъ на работы

на сѣверный фронтъ. Предложеніе это было принято представителями районныхъ комиссій единогласно. Съ этимъ постановленіемъ я вновь пошелъ къ Позерну и сообщилъ ему результатъ совѣщанія. Такъ какъ не подлежало никакому сомнѣнію, что командующій 6-ой арміей возвратитъ сосланныхъ только при условіи, если взамѣнъ пришлютъ другихъ рабочихъ, то я предложилъ Позерну, на основаніи постановленія нашего совѣщанія, провести мобилизацію буржуазіи въ Петроградѣ, по всѣмъ правиламъ европейскаго образца. Это тѣмъ болѣе легко можно было провести, что существовалъ законъ центральнаго правительства, по которому можно было произвести такую мобилизацію. Мнѣ казалось, что при тогдашнихъ условіяхъ такая мобилизація была единственнымъ выходомъ вернуть несчастныхъ. При нормальной мобилизаціи же такія дикія сцены, которыя произошли при отправкѣ первыхъ двухъ партій, не могли бы повториться.

Позернъ согласился на мое предложеніе и попросилъ меня, выработать соотвѣтствующій планъ мобилизаціи. Черезъ нѣсколько дней я таковой планъ разработалъ и передалъ Позерну. Онъ его нашелъ пріемлемымъ и передалъ для дальнѣйшей разработки въ мобилизаціонный отдѣлъ.

Я крайне былъ доволенъ ходомъ дѣла, ибо думалъ, что сосланные въ Вологду въ скоромъ времени смогутъ быть замѣнены мобилизованными и дѣйствительно экипированными людьми. Но я ошибся въ своихъ надеждахъ. Мобилизаціонный отдѣлъ нашего комиссаріата постановилъ призвать въ ополченіе лишь лицъ первыхъ трехъ годовъ — 99, 98 и 97. Когда мнѣ стало извѣстнымъ это рѣшеніе, я немедленно пошелъ въ комиссаріатъ и обратился къ начальнику мобилизаціоннаго отдѣла. Я ему объяснилъ, что мобилизація лишь трехъ возрастовъ ни къ какому результату не приведетъ, такъ какъ ясно, что 18- и 19-лѣтнихъ адвокатовъ, акціонеровъ, банковыхъ директоровъ, фабрикантовъ, священниковъ и тому подобныхъ лицъ мы найдемъ весьма мало. Я поэтому потребовалъ, чтобы призваны были по меньшей мѣрѣ 10 возрастовъ. Это свое мнѣніе я также разъяснилъ второму военному комиссару Богатину, но безъ успѣха. Военный комиссаріатъ остался при своемъ мнѣніи, ибо Богатинъ надѣялся, что мобилизація трехъ возрастовъ дастъ по меньшей мѣрѣ 1000 человекъ. И что же въ дѣйствительности случилось? По всему Петрограду было призвано всего 8 человекъ.

У Зиновьева и Максима Горькаго

Послѣ этого печальнаго результата, военный комиссаріатъ постановилъ призвать въ ополченіе всю буржуазію до 40-лѣтняго возраста. Но пока должны были быть проведены всѣ мѣропріятія, связанныя съ такой мобилизаціей, должно было пройти не менѣе мѣсяца. Между тѣмъ, начался уже сильные холода. Большинство сосланныхъ должны были погибнуть въ своихъ легкихъ одеждахъ. Я поэтому рѣшилъ обратиться къ предсѣдателю Петроградской коммуны Зиновьеву и попросить его, чтобы онъ своей властью приказалъ вернуть сосланныхъ въ Питеръ. Я пошелъ въ Смольный и велѣлъ доложить о себѣ Зиновьеву. Меня принялъ Копяткевичъ, управляющій дѣлами совѣта комиссаровъ сѣверной области. Копяткевичъ заявилъ мнѣ, что Зиновьевъ долженъ какъ разъ поѣхать на собраніе коммунистической партіи и поэтому не можетъ меня принять. Мнѣ ничего другого не оставалось, какъ передать Копяткевичу матеріалъ по моему дѣлу.

Черезъ нѣсколько дней я получилъ отъ Зиновьева отвѣтъ, въ которомъ было сказано, что я долженъ вновь обратиться въ военный комиссаріатъ по этому дѣлу.

Я уже начиналъ сомнѣваться въ томъ, что сосланные смогутъ вернуться. Все же я рассчитывалъ на предстоящую мобилизацію буржуазіи. Но уже черезъ нѣсколько недѣль начальникъ мобилизаціоннаго отдѣла мнѣ сообщилъ, что мобилизованные 18 возрастовъ буржуазіи должны будутъ быть отправлены на Западный фронтъ и поэтому о замѣнѣ сосланныхъ въ Вологду не можетъ быть и рѣчи. Когда я получилъ это сообщеніе, я понялъ, что спасти сосланныхъ невозможно. Большинство изъ нихъ были обречены на смерть.

Дѣятельность моя въ центральной комиссіи по трудовой повинности отнынѣ больше не имѣла смысла. Остаться въ этомъ учрежденіи и сознавать одновременно, что никакой пользы никому я принести больше не смогу, было для меня невыносимо. Мои товарищи по комиссіи становились все болѣе подозрительными по отношенію ко мнѣ. Они стали открыто выражать недовольство по поводу моего отношенія къ дѣлу. Съ другой стороны и личные недруги мои изъ 1-го гор. района создали вокругъ меня атмосферу, при которой работать становилось совершенно невозможно. Я поэтому рѣшилъ подать въ отставку. Отставка была принята и вмѣсто меня былъ назначенъ предсѣдатель Выборгской комиссіи Абрамовъ, тотъ самый господинъ, характеристику котораго я уже выше далъ.

Я вновь возвратился къ своимъ обычнымъ занятіямъ въ военный комиссаріатъ. Но, все же, то обстоятельство, что всѣ мои попытки, измѣнить постановку дѣла по трудовой повинности и возвратить сосланныхъ окончились неудачей, не давало мнѣ покоя. Я поэтому рѣшилъ какимъ-нибудь способомъ двинуть дѣло. Независимой прессы не существовало, а поэтому публиковать данные о тѣхъ порядкахъ, которые существовали въ комиссіяхъ по трудовой повинности, конечно, нельзя было. Рассчитывать на соответствующую кампанію прессы я такимъ образомъ не могъ.

Однажды я прочелъ въ «Сѣверной Коммуны», что Максимъ Горькій выбранъ въ президіумъ Петроградскаго Исполнительнаго Комитета. Мнѣ тотчасъ же пришла мысль обратиться къ нему, ибо я былъ увѣренъ, что Горькій используетъ свое оффиціальное положеніе, дабы помочь тѣмъ несчастнымъ, которые были сосланы въ Вологду. При помощи одного изъ своихъ бывшихъ сослуживцевъ я собралъ необходимый матеріалъ, по которому можно было судить объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ такъ называемую мобилизацію. Съ этимъ матеріаломъ я пошелъ къ Горькому. На этотъ разъ я не ошибся въ своихъ ожиданіяхъ. Я рассказалъ обо всѣхъ подробностяхъ дѣла, о моихъ безуспѣшныхъ переговорахъ съ Зиновьевымъ и Позерномъ и, передавъ Горькому матеріалъ, попросилъ его предпринять соответствующіе шаги. Горькій отнесся крайне отзывчиво къ моимъ словамъ. Онъ, между прочимъ, сказалъ, что онъ уже раньше зналъ о тѣхъ неслыханныхъ сценахъ, которыя происходили въ связи съ привлеченіемъ буржуазіи къ трудовой повинности. Среди сосланныхъ на работу находился, по словамъ Горькаго, также извѣстный писатель Изгоевъ.

«Вообще, сейчасъ у насъ въ Питерѣ ужасные порядки. Вотъ, вчера пришла ко мнѣ одна моя знакомая, жена присяжнаго повѣреннаго, продолжалъ Горькій, — и попросила меня встуниться за ея мужа. Его обвиняютъ въ

томъ, что онъ принялъ участіе въ какомъ-то революціонномъ заговорѣ. Въ чрезвычайкѣ, куда повели моего знакомаго, его стали бить прикладами, и такъ какъ онъ человекъ уже пожилой, то онъ отъ побоевъ потерялъ сознание. Что касается вашего дѣла, то я передамъ его лично Ленину. Я черезъ нѣсколько дней ѣду въ Москву и возьму вашъ матеріалъ».

«А развѣ не цѣлесообразнѣе будетъ предпринять что-либо въ Петроградѣ», спросилъ я его.

«Вы же сами видѣли, отвѣтилъ Горькій, — что здѣсь ничего достигнутъ нельзя. Въ Петроградѣ нынѣ произволъ возведенъ въ принципъ».

Я поблагодарилъ Горькаго за его участіе въ моей просьбѣ и заявилъ при прощаніи, что я готовъ, показанія свои при необходимости лично подтвердить и разъяснить. Послѣ этого разговора я началъ опять надѣяться, что, можетъ быть, удастся вернуть сосланныхъ въ Вологду.

Ужасы большевистской Россіи

До моего поступленія въ центральную комиссію по трудовой повинности я организовалъ Бюро печати при нашемъ комиссаріатѣ и завѣдывалъ имъ. Съ моимъ назначеніемъ въ центральную комиссію я, конечно, былъ вынужденъ оставить мою работу тамъ. Послѣ того, какъ я вернулся обратно въ военный комиссаріатъ, я по старой памяти часто заживалъ въ свой бывший отдѣлъ. Однажды, какъ-то придя въ Бюро печати, я засталъ тамъ нѣсколькихъ бывшихъ сослуживцевъ, изъ которыхъ одинъ обратился ко мнѣ: «Хотите ли, товарищъ, знать, что происходитъ у насъ на Руси? Вотъ, почитайте-ка!» И съ этими словами онъ передалъ мнѣ бюллетень бюро военныхъ комиссаровъ. Эти бюллетени издавались въ Москвѣ подъ редакціей предсѣдателя бюро, тов. Юречева. Въ нихъ помѣщались свѣдѣнія не для «печати». Когда-нибудь историкъ, который захочетъ получить полную картину о тѣхъ ужасахъ, которые творились въ нашей странѣ въ дни большевистскаго режима, долженъ будетъ непременно использовать эти бюллетени.

Я началъ читать передаваемый мнѣ моимъ сослуживцемъ очередной бюллетень. Въ немъ помѣщались свѣдѣнія о событіяхъ послѣдней недѣли.

«Въ Н—ской волости такой-то губерніи произошло возстаніе кулаковъ, которые натравили населеніе на совѣтскую власть. Съ помощью военныхъ мѣръ возстаніе удалось быстро подавить. Вожди возстанія разстрѣляны».

«Н—скій пѣхотный полкъ взбунтовался и перешелъ на сторону бѣлогвардейцевъ».

«Пѣхотный полкъ В... взбунтовался въ гор. Н. Солдаты убили командира полка, а затѣмъ разсѣялись съ оружіемъ въ рукахъ по городу. Въ городѣ пачались грабежи и поджоги. Посланы войска для усмиренія».

«Солдаты одного петербургскаго пѣхотнаго полка разграбили при отправкѣ на фронтъ на станціи Н. поѣздъ съ съѣстными припасами. Этому открытому грабежу нельзя было воспрепятствовать».

«Въ Н—скомъ уѣздѣ, такой-то губерніи, крестьяне подъ вліяніемъ агитаціи мѣстныхъ кулаковъ разогнали комитетъ бѣдности. Въ уѣздѣ посланы войска и контръ-революціонеры понесутъ должное наказаніе».

«Въ такой-то волости Н—ской губернии крестьяне отказались выдать урожай. При этомъ произошли кровавыя столкновенія между мѣстными крестьянами и продовольственнымъ отрядомъ. Крестьяне должны были сдаться. До сихъ поръ по постановленію уѣздной чрезвычайной комиссіи разстрѣляны 10 зачпнщиковъ».

«Во многихъ деревняхъ такой-то губернии крестьяне отказались поставлять лошадей для красной арміи. Крестьяне оказали пришедшимъ войскамъ карательнаго отряда упорное сопротивленіе, которое все же удалось быстро сломить. Особая комиссія, делегированная губернской чрезвычайкой, уже прибыла на мѣсто и начала дѣйствовать».

«Въ селѣ такомъ-то Н—ской губернии мѣстные крестьяне отказались слѣдовать приказу о мобилизаціи. Село было подвергнуто артиллерійскому обстрѣлу. Послѣ этого крестьяне сдались. Слѣдствіе ведется ускореннымъ темпомъ».

И такъ далѣе безъ конца!

Здѣсь подавлено возстаніе, тамъ разстрѣляли нѣсколькихъ людей, въ другомъ мѣстѣ разрушены села и деревни, въ третьемъ грабятъ и убиваютъ — море огня и крови. Такова была картина Россіи въ началѣ 19-го года!

При чтеніи этого бюллетеня мнѣ невольно вновь пришли мысли о бѣгствѣ. Вѣдь оставаться дальше въ Россіи при томъ положеніи, при какомъ я выходился, означало — работать на укрѣпленіе той самой власти, которая виновна во всѣхъ этихъ ужасахъ!

Черезъ нѣсколько дней я случайно имѣлъ возможность посѣтить балетъ въ Маріинскомъ театрѣ. Балетъ былъ еще единственнымъ мѣстомъ въ Петроградѣ, гдѣ я порою могъ забыть всѣ тѣ ужасы, которые меня окружали. По окончаніи спектакля, я при выходѣ изъ театра случайно встрѣтилъ одного изъ тѣхъ гражданъ, которыхъ мнѣ удалось освободить изъ Вологды. Онъ подобострастно мнѣ поклонился. Я его сразу же узналъ и спросилъ, какъ онъ поживаетъ.

«Спасибо, очень хорошо, отвѣтилъ онъ съ сладчайшей улыбкой на лицѣ, — я теперь работаю въ Смольномъ».

«Что такое? спросилъ я его съ удивленіемъ, — вы работаете въ Смольномъ?»

«Такъ точно, отвѣтилъ онъ, продолжая сладко улыбаться, — мнѣ удалось устроиться тамъ въ санитарномъ отдѣлѣ. Я теперь занимаюсь тѣмъ, что реквизирую въ магазинахъ и частныхъ квартирахъ мебель для санитарныхъ пѣлей».

Итакъ, человекъ, который только-что страдалъ подъ гнетомъ большевистской власти, изъ нужды идетъ на службу въ Петроградскій Совѣтъ, реквизируетъ у другихъ мебель, мучаетъ своихъ согражданъ и, можетъ быть, станетъ въ скоромъ времени даже коммунистомъ «по убѣжденію».

Черезъ нѣсколько дней, меня посѣтилъ одинъ товарищъ, пріѣхавшій изъ Вологды. Во время разговора я, между прочимъ, спросилъ его, не знаетъ ли онъ что-либо о судьбѣ сосланныхъ изъ Петрограда на военныя работы. Онъ мнѣ рассказалъ кое-что о нихъ, а затѣмъ вдругъ сказалъ: «Ахъ, да, между прочимъ, знаете, вы въ Вологдѣ среди отбывающихъ трудовую повинность сдѣлались своего рода знаменитостью. Всѣ сосланные

знають васъ по фамиліи. Васъ тамъ вмѣстѣ съ тов. Ряжкинымъ ежедневно проклинають. Сосланные считаютъ васъ обоихъ главными виновниками ихъ несчастій. Такъ что смотрите, прибавилъ онъ смѣясь, — въ Вологду ни ногой».

Я сдѣлалъ все, что было въ моихъ силахъ, чтобы помочь сосланнымъ, чтобы вернуть ихъ ихъ женамъ и дѣтямъ. Благодаря моимъ стараніямъ большая часть этихъ людей была освобождена. И вотъ теперь, вдругъ тѣ же самые люди прокливаютъ и ненавидятъ меня. Развѣ это не провія судьбы? Меня ненавидятъ и проклипаютъ. И почему это? почему? Только потому, что всѣ эти люди знаютъ, что я стою во главѣ ненавистной центральной комисіи.

«А я говорю тебѣ, — вспомнилъ я вдругъ слова своего брата, — что если ты работаешь совмѣстно съ тѣми, которые совершаютъ великое преступленіе надъ нашей родиной, то ты самъ становишься преступникомъ».

Довольно, я больше не выдержу. Вонъ изъ этого города, гдѣ я родился, который я когда-то любилъ, а теперь ненавижу. Лучше быть разстрѣляннымъ, лучше подвергнуть себя невозможнымъ страданіямъ, чѣмъ продолжать работать въ Петроградѣ.

Было одно обстоятельство, которое заставляло меня искать выходъ изъ того положенія, въ которомъ я находился, именно въ бѣгствѣ. Я находился на военной службѣ и не могъ поэтому покинуть службу. Передо мной стояла альтернатива: бѣжать или продолжать работать съ большевиками. Я предпочелъ первое.

Приготовленія къ бѣгству

На слѣдующее утро я отправился въ иностранный отдѣлъ комиссаріата внутреннихъ дѣлъ къ своему товарищу, который мнѣ какъ-то предложилъ оказать помощь въ случаѣ, если я захочу уѣхать изъ Россіи.

«Я пришелъ къ вамъ, сказалъ я своему товарищу, — чтобы напомнить вамъ о вашемъ обѣщаніи. Помогите мнѣ покинуть Питеръ и совѣтскую Россію».

Товарищъ мой сразу же согласился сдѣлать все обѣщанное и далъ мнѣ слѣдующій совѣтъ. Я долженъ подать прошеніе на его имя, въ которомъ я подъ чужимъ именемъ, въ качествѣ германскаго подданнаго, прошу его, выдать мнѣ мои германскія бумаги, которыя я въ свое время передалъ иностранному отдѣлу, когда я хлопоталъ о принятіи моемъ въ русское подданство. Когда онъ получитъ мое прошеніе, онъ немедленно дастъ распоряженіе вернуть мнѣ требуемыя бумаги. При очередномъ докладѣ завѣдующій паспортнымъ отдѣленіемъ заявитъ ему, что такихъ бумагъ не удалось найти и что они, вѣроятно, затеряны. Онъ тогда распорядится выдать мнѣ соответствующее удостовѣреніе, въ которомъ будетъ сказано, что мои нѣмецкія бумаги, которыя я въ свое время подалъ въ иностранный отдѣлъ, потеряны.

«На основаніи этого удостовѣренія вамъ германскій совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ выдастъ бумагу, въ которой будетъ сказано, что вы въ качествѣ германскаго подданнаго находитесь подъ защитой германской республики. Затѣмъ уже вы, въ качествѣ нѣмца, сможете потребовать, чтобы васъ отправили на родину».

Предложеніе мнѣ очень понравилось. Я сразу же на него пошелъ. Тутъ-же, въ присутствіи моего товарища, я написалъ прошеніе на имя иностраннаго отдѣла, а товарищъ сейчасъ-же написалъ резолюцію о томъ, чтобы мнѣ выдали требуемыя бумаги.

На третій день я явился въ иностранный отдѣлъ и попросилъ доложить обо мнѣ завѣдующему паспортнымъ отдѣломъ. Такъ какъ я съ измѣненіемъ моеіи фамиліи превратился въ простого смертнаго, то мнѣ пришлось весьма долго ждать, пока, наконецъ, завѣдующій соизволилъ меня принять. Я назвалъ свою новую фамилію и спросилъ его съ нѣмецкимъ произношеніемъ, не можетъ ли онъ мнѣ вернуть просимые документы.

«Ахъ, это вы, господинъ, произнесъ онъ, — видите, къ сожалѣнію, я вамъ долженъ сообщить, что ваши бумаги не найдены, они, по всей вѣроятности, затеряны у насъ».

«Такъ что же мнѣ дѣлать, спросилъ я его опечаленнымъ голосомъ. — Я хочу поѣхать къ себѣ на родину».

«Вамъ абсолютно не о чемъ беспокоиться. Мы выдадимъ вамъ удостовѣреніе, въ которомъ мы подтвердимъ, что ваши нѣмецкія бумаги затеряны. Еще разъ прошу васъ: не беспокойтесь. Мы считаемъ нашей обязанностью помочь вамъ въ вашемъ тяжеломъ положеніи».

Вечеромъ того же дня я вновь пошелъ въ иностранный отдѣлъ, на этотъ разъ къ моему товарищу. Какъ разъ въ это время къ нему пришелъ представитель германскаго совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Товарищъ мой принялъ его въ моемъ присутствіи и рассказалъ ему, въ чемъ дѣло.

«Случай этотъ принципиальный, говорилъ онъ. — Мы должны съ вами прійти къ соглашенію по поводу такихъ удостовѣреній, выданныхъ нашимъ комиссаріатомъ. Въ данномъ же случаѣ, я думаю, вы выдадите просителю нѣмецкій паспортъ. Изъ-за потери его документовъ, онъ фактически находится между небомъ и землей».

Представитель германскаго совѣта поставилъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, на которые я отвѣтилъ на нѣмецкомъ языкѣ, и затѣмъ мнѣ сказалъ, чтобы я зашелъ въ консульство.

На слѣдующій день я въ назначенный часъ зашелъ въ бывшее германское консульство. Представитель германскаго совѣда встрѣтилъ меня крайне любезно. Онъ повелъ меня къ секретарю германскаго совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ Отто Перцу. На основаніи объясненій сопровождавшаго меня представителя германскаго совѣта, господинъ Перцъ велѣлъ выдать мнѣ германскій паспортъ. Потомъ я пошелъ въ канцелярію консульства, гдѣ одинъ изъ служащихъ записалъ мою фамилію, а также данныя о моемъ рожденіи и постоянномъ мѣстопребываніи. Служащій сказалъ мнѣ, что я могу зайти черезъ два дня и мнѣ будетъ выданъ паспортъ. И дѣйствительно, черезъ два дня я въ карманѣ своемъ уже имѣлъ паспортъ. Я немедленно отправился на Мойку, гдѣ во дворцѣ бывшихъ князей Юсуповыхъ находился отдѣлъ германскаго консульства, отправлявшій германскихъ подданныхъ изъ Россіи въ Германію. Предъявивъ свой документъ о принадлежности своемъ къ германской имперіи, я попросилъ служащаго отдѣла записать меня на слѣдующій поѣздъ, съ которымъ отправляютъ германскихъ подданныхъ въ Германію.

Послѣднія переживанія въ Петроградѣ

Черезъ нѣсколько дней меня вызвалъ по телефону мой бывший ученикъ, которому я когда-то давалъ частные уроки. «Простите меня, пожалуйста, что я вамъ помѣшалъ, но дѣло въ томъ, что позавчера арестовали моего отца. Можетъ, вы будете такъ любезны и предпримете какіе-нибудь шаги для его освобожденія».

Я за послѣднее время настолько привыкъ ко всякимъ просьбамъ, что я даже не выразилъ своего сожалѣнія по поводу ареста отца моего ученика; и довольно сухо спросилъ: «За что же вашего отца арестовали?» «Его обвиняютъ въ спекуляціи, но я васъ увѣряю, что это ложь», отвѣтилъ онъ мнѣ.

Такъ какъ я звалъ, что отецъ моего бывшего ученика довольно крупный мануфактурный торговецъ, то я, конечно, не повѣрилъ увѣреніямъ моего ученика. Но въ виду его настойчивыхъ просьбъ сдѣлать что-нибудь въ пользу отца, я попросилъ его рассказать мнѣ, при какихъ обстоятельствахъ и по поводу чего произошелъ арестъ. И я узналъ слѣдующее: За девъ до ареста къ нимъ на квартиру явились два мѣшечника и предложили купить 10 фунтовъ масла по 70 рублей за фунтъ. Отецъ моего ученика хотѣлъ купить лишь 5 фунтовъ, но мѣшечники на это не согласились. Они хотѣли продать или все, или ничего. Но такъ какъ покупатель отъ такой, повидимому, для него невыгодной сдѣлки отказался, то мѣшечники ушли ни съ чѣмъ. Казалось бы, на этомъ исторія и кончилась. Но вотъ черезъ два часа мѣшечники вновь явились, и на этотъ разъ въ сопровожденіи представителя мѣстной комендатуры. Представитель этотъ заявилъ отцу моего ученика, что онъ обязанъ купить предложенный ему товаръ, иначе его ждутъ неприятели. Отецъ ученика, зная существующіе порядки, рѣшилъ въ споръ съ представителемъ власти не входить и согласился немедленно купить весь товаръ. Онъ заплатилъ за товаръ, а «продавцы», получивъ деньги, удалились. Но какъ только они ушли, въ квартиру вошли трое солдатъ въ сопровожденіи того самаго представителя мѣстной комендатуры, который только-что былъ вмѣстѣ съ двумя мѣшечниками. Вошедшіе заявили, что хозяина квартиры подозрѣваютъ въ закупкѣ съѣстныхъ припасовъ для перепродажи со спекулятивными цѣлями. Чтобы провѣрить правильность этихъ подозрѣній, пришедшіе должны произвести обыскъ. Обыскъ далъ «благопріятные» результаты. У отца ученика нашли 10 фунтовъ только-что купленнаго масла. Масло «реквизировали», а отца моего ученика арестовали и отправили по обвиненіи въ спекуляціи въ мѣстную комендатуру.

Несмотря на то, что я за послѣднее время всякіе виды видалъ и поэтому меня ужъ больше почти ничего не удивляло, мнѣ все же казалось, что даже и при нынѣшнихъ обстоятельствахъ такого рода случай является невѣроятнымъ. Я обѣщалъ моему ученику снестись съ мѣстной комендатурой и тутъ же поставилъ его въ извѣстность, что я просить объ освобожденіи отца не буду, а лишь спрошу, такъ ли обстоитъ дѣло, какъ онъ мнѣ рассказалъ. Я немедленно вызвалъ по телефону коменданта даннаго района и рассказалъ ему обстоятельства ареста отца моего бывшего ученика и потребовалъ, чтобы онъ сейчасъ же провѣрилъ, соответствуетъ-ли рассказъ дѣйствительности.

Приблизительно через час комендантъ сообщил мнѣ по телефону, что, къ сожалѣнію, все то, что мной передано, соответствуетъ дѣйствительности.

«Тотъ человекъ, который сопровождалъ двухъ мѣщениковъ, оказался однимъ изъ моихъ помощниковъ. Я ему сдѣлалъ строгій выговоръ, а арестованнаго немедленно велѣлъ отпустить. Я крайне сожалѣю, что подобный случай могъ произойти. Я позабочусь уже о томъ, чтобы такіе случаи больше не повторялись».

Черезъ нѣсколько дней явился ко мнѣ одинъ изъ бывшихъ моихъ сослуживцевъ по центральной комиссіи. Взволнованнымъ голосомъ онъ сообщил мнѣ, что по желанію комиссіи по трудовой повинности 1-го гор. района рѣшено потребовать, чтобы я далъ отчетъ о своей дѣятельности чрезвычайной комиссіи по борьбѣ съ контръ-революціей. Узнавъ объ этомъ, я понялъ, что мнѣ недолго осталось быть на свободѣ, ибо, если меня захотятъ загубить, а это видно хотятъ, то не трудно найти соответствующее обвиненіе.

Если я еще до этого сообщенія, которое сдѣлалъ мнѣ одинъ изъ моихъ бывшихъ сослуживцевъ, думалъ оставить Россію, потому что я не могъ болѣе продолжать работать на государственной службѣ, то теперь я долженъ былъ думать о бѣгствѣ для того, чтобы избѣжать серьезной опасности. Поэтому я рѣшилъ въ тотъ же день явиться въ германское консульство, чтобы тамъ вновь переговорить объ отъѣздѣ. Я велѣлъ о себѣ доложить члену германскаго совѣта, господину В. О немъ мнѣ какъ-то упомянулъ одинъ германскій военноплѣнный, сражавшійся на чехо-словацкомъ фронтѣ. Я сказалъ члену совѣта, что меня якобы направилъ къ нему тов. Х. Когда я ему рассказалъ, что я желаю поскорѣе вернуться въ Германію, онъ мнѣ сказалъ: «Къ сожалѣнію, я не могу вамъ помочь. Транспортъ съ германскими плѣнными отправляется лишь черезъ мѣсяць. Однако, мнѣ удалось убѣдить его отправить меня съ военноплѣнными, отправляемыми послѣзавтра.

Въ день отъѣзда, когда послѣднія приготовленія къ нему уже были окончены, я въ послѣдній разъ пошелъ въ военный комиссариатъ. Я долго оставался въ немъ. Мнѣ не хотѣлось уходить изъ этихъ огромныхъ помѣщеній, гдѣ я въ короткое время такъ много пережилъ. Въ послѣдній разъ я взглянулъ изъ большого приѣмнаго зала на Дворцовую Площадь, на Александровскую колонну, на мрачное огромное зданіе Зимняго Дворца и затѣмъ отправился домой.

Вечеромъ я поѣхалъ на Финляндскій вокзалъ. Извозчикъ взялъ съ меня за проѣздъ отъ Таврической улицы на Финляндскій вокзалъ 80 рублей. Два года тому назадъ эта сумма казалась какой-то дикой. Нынѣ же, когда въ Совдепѣ привыкли считать только десятками тысячъ, насъ эта сумма уже больше не удивляетъ. На вокзалѣ собрались уже германскіе плѣнные, отправлявшіеся въ Германію. Тутъ же находились и бѣжавшіе изъ германскаго плѣна русскіе солдаты, болѣею частью бѣлоруссы, которые съ нашимъ поѣздомъ отправлялись къ себѣ на родину. Я обратился къ представителю германскаго совѣта, находившемуся на вокзалѣ, и онъ мнѣ подтвердилъ, что имя мое значится въ спискѣ. Отправлялся я въ качествѣ

пѣхотинца какого-то баденскаго полка. При этомъ сообщеніи я не могъ удержаться отъ улыбки.

Вещи мои были провѣрены представителями военнаго контроля, причемъ у меня отняли нѣсколько кусковъ мыла и фунтъ чая. Послѣ просмотра моихъ вещей, служащій военнаго контроля спросилъ меня, не имѣю ли я при себѣ денегъ. Я ему предъявилъ 1000-ый билетъ. Остальныя деньги въ количествѣ 5000 рублей были частью спрятаны, частью зашиты въ моей шинели.

Насъ помѣстили въ хорошо отопленный санитарный вагонъ. До Орши поѣздка длилась 4 дня. Чѣмъ болѣе мы отдалялись отъ Питера, тѣмъ менѣе мы испытывали голодъ. Въ Витебскѣ, на примѣръ, несмотря на хлѣбную монополию, на рынкѣ продавали открыто хлѣбъ по 6 рублей за фунтъ. По сравненію съ Петербургскими цѣнами, гдѣ за хлѣбъ уже платили 20 руб. за фунтъ, хлѣбъ въ Витебскѣ казался крайне дешевымъ. Кромѣ того, и это было самое главное, въ Витебскѣ хлѣба можно было достать сколько угодно, въ то время какъ въ Питерѣ можно было добыть хлѣбъ лишь со страшными трудностями. Неудивительно поэтому, что изъ Питера понаѣхало много народу для закупки продуктовъ. Люди сидѣли со своими мѣшками на крышахъ, на подножкахъ и даже между вагонами. Сцены, имѣвшія мѣсто на желѣзной дорогѣ, напоминали времена демобилизаціи. На вокзалѣ въ Витебскѣ стояла громадная толпа, которая вмѣстѣ съ своими мѣшками стремилась вернуться въ Петроградъ. Люди въ буквальный смыслъ слова брали штурмомъ поѣздъ, уходившій въ Петроградъ, и дрались изъ-за полученія мѣста въ вагонѣ. Тѣ дикія сцены на Витебскомъ вокзалѣ, свидѣтелемъ которыхъ я былъ, какъ бы символизировали собой то хаотическое состояніе, въ которомъ находилась наша несчастная родина.

До Орши транспортъ нашъ власти въ общемъ оставляли въ покоѣ. Лишь въ Оршѣ члены чрезвычайной комиссіи провѣряли наши паспорта. Къ счастью, эта провѣрка прошла для меня весьма благополучно. Послѣ того, какъ мы цѣлый день простояли на этой станціи, мы продолжали свой путь. Поѣздка изъ Минска въ Пинскъ продолжалась цѣлую недѣлю, несмотря на то, что разстояніе между этими двумя городами сравнительно было небольшое. Эта часть пути была для насъ всехъ положительно физическимъ мученіемъ. Мы сидѣли въ холодныхъ товарныхъ вагонахъ, наполненныхъ навозомъ, причемъ вагоны были настолько набиты людьми, что по ночамъ мы совершенно не могли лежать и были настолько стиснуты, что чувствовали себя, точно сельди въ бочкѣ. Но все же отъ этой тѣсноты мы не такъ страдали, какъ отъ холода. Вагоны были нетоплены. Съ обѣихъ сторонъ дуло. Въ какихъ условіяхъ мы ѣздили, видно хоть бы изъ того, что дальнѣйшая ѣзда зависѣла въ высокой мѣрѣ отъ того, помогали-ли мы собирать дрова для локомотива или нѣтъ. Однажды даже ночью къ нашему вагону подошелъ машинистъ и сталъ кричать хриплымъ голосомъ: «Эй вы, ребята, выходите дрова рубить. Чѣмъ больше нарубите, тѣмъ скорѣе мы можемъ двинуться дальше».

По дорогѣ нѣсколько людей заболѣли. То были главнымъ образомъ бѣженцы, возвращавшіеся изъ восточныхъ губерній въ свои родныя бѣлорусскія и польскія деревни. Больные должны были оставаться въ вагонѣ. Чтобы предохранить себя отъ заразы, я и находившіеся со мной германскіе военноплѣнные весь день почти безъ перерыва курили.

Наконецъ, послѣ тяжелой недѣльной поѣздки мы достигли Пинска. Здѣсь на наше счастье находился германскій военный транспортъ, пришедшій изъ Украйны и направлявшійся въ Германію. Мы, «военнопленные», расширились съ бѣженцами и пересѣли въ германскій вагонъ. Нѣмецкіе солдаты встрѣтили своихъ сородичей весьма сердечно. Насъ хорошо накормили, и мы впервые смогли немножко отдохнуть. Изъ Пинска германскій транспортъ направился черезъ Кобринъ, Брестъ-Литовскъ, Бѣлостокъ къ пограничному городку Просткенъ.

Городокъ этотъ, находящійся у самой границы, носилъ на себѣ еще слѣды великой войны. Но все же среди полуразрушенныхъ зданій видѣлись уже заново выстроенныя и выкрашенныя. Миѣ казалось, что этотъ городокъ является символомъ нашего времени. Великое столкновеніе народовъ разрушило и разбило старую жизнь. На ея развалинахъ родится новая, болѣе справедливая. Крестный путь, который приходится теперь пройти нашему народу, когда-нибудь окончится и наступятъ иныя времена. Много горя и несчастія миѣ пришлось пережить, много подлаго и ужаснаго миѣ пришлось увидѣть, но все же я не потерялъ надежды, что, несмотря на все, въ странѣ нашей въ концѣ концовъ восторжествуетъ истинная свобода и социальная справедливость...
